

Валерий Большаков

Спасти СССР. Инкорпорация

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Валерий Большаков

Спасти СССР. Инкорпорация (7-я книга)

«Автор»
2026

Большаков В. П.

Спасти СССР. Инкорпорация (7-я книга) / В. П. Большаков — «Автор», 2026

Андрей Соколов упорно идет к своей цели, которую не выразить скромно - он должен спасти этот мир. Следовательно, чтобы решить данную задачу, необходимо и достаточно спасти СССР...Андрей добивается своего - он доказал Великую Теорему Ферма, и пришла поистине мировая слава. "Наглый мальчишка" показал себя неслабым организатором, проведя праздник "Алые паруса", и заслужил уважение самого Романова, "хозяина Ленинграда". Андрей "автоматом" поступил на матмех ЛГУ, и это тоже победа.Можно сказать, он легализовался и готов двигаться дальше - вверх, вверх, до самых высот советской власти!А происки империалистов? А внутренние враги? Ну, куда ж без них... Вот только Соколов не один - помогут и друзья, и товарищи. И девушки!

© Большаков В. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 54

Валерий Большаков
Спасти СССР. Инкорпорация (7-я книга)

Валерий Большаков
Спасти СССР.
Инкорпорация

Глава 1.

Пятница, 21 сентября 1979 года. День
Ленинград, 10-я линия Васильевского острова

Если верить отрывному календарю, который мама торжественно повесила на кухне, близился конец сентября, однако осень довольно робко заявляла о своих правах.

Да, зелень увядала, а в листве всё чаще желтели унылые мотивы. И высь, бывало, хмурилась, замыкая свет клубистыми сводами пепельно-сизых туч.

Но вот сегодня – огромное безоблачное небо над головой! Раскинулось, разметалось обвальной, пронзительной лазурью, той, что летом как будто выцветает, линяя под ярким солнцем.

Я глянул в окна аудитории – и сжал губы, не выпуская усмешку. Юное тело изнывало за партой, водя ручкой БИК по странице конспекта. Буйное животное начало рвалось на свежий воздух, чтобы всею кожей впитывать последнее вышнее тепло – и двигаться, двигаться, двигаться! Бежать, плыть, лететь, задыхаясь в бешеном напряге мышц!

«Низ-з-зя!» – мои губы дрогнули в жестоком изгибе…

– …Если две функции дифференцируемы, то дифференцируема и их сумма, – спокойно выговорил Вулих, стоя у шестиметровой доски, исписанной почти полностью. Лекции он читал всегда сдержанно, академично, а мел аккуратно обертывал бумажкой. Обернувшись к студентам, Борис Захарович задал вопрос: – Верно ли обратное: если сумма двух функций дифференцируема, значит ли это, что дифференцируемы и слагаемые?

В первом ряду заёрзал Геша Кузнецов, он же «Кезя», тряся вскинутой рукой. Вулих кивнул ему, и «Кезя» уверенно выпалил:

– Если сумма двух функций дифференцируема, то дифференцируемы они обе!

– Обоснуйте, – спокойно велел препод.

– Если одно из слагаемых дифференцируемо, то и другое тоже, как разность дифференцируемых функций. А если одно не дифференцируемо, то… – пару секунд «Кезя» помедлил, и продолжил, опровергая первоначальное утверждение: – То, вычитая его из суммы, мы получим второе не дифференцируемое слагаемое!

Борис Захарович мягко улыбнулся. Помешкав чуть, он отложил мелок и глянул на часы.

– Все свободны.

И почти тут же по коридору гулко поплыл звонок. Три часа дня, последняя пара![1] 88-ю аудиторию мигом наполнил радостный гвалт, как будто докатилось эхо не столь уж давних школьных будней.

В принципе, «вольному слушателю» – воля; я мог бы и не возвращаться в универ после сытного обеда. Просто не хотелось пропускать лекцию профессора Вулиха, ведь он в матане – истинный гуру.

[1] На матмехе пары длились по 100 минут.

Вроде бы, странное желание для «победителя невозможного», но это лишь на первый взгляд. За минувший год мышление мое менялось дважды, пока не удалось выйти на уровень хороших преподавателей хорошего матфака. Но вот мои математические познания смахивают на швейцарский сыр, типа «Эмменталя» – с большими-пребольшими дырками…

Некогда мне было следовать обычной, натоптанной тропой – я, как тот альпинист из песни Владимира Семёныча, постоянно выбирал трудный путь, лишь бы побыстрее доказать Великую Теорему Ферма.

«Зато напрямик!» – мои губы сложились-таки в беглую усмешку.

– Андрюх! – через парту перевесился Лёня Мальво, загодя строя брови в жалостливом стиле Пьеро. – Займи рубль, а? Ей-богу, отдам! Маманька обещала четвертную выслать. Ну и я, как только, так сразу… Аллах свидетель!

– Не кощунствуй, сын мой, – ответствовал я, сурово окая, и сунул страждущему тусклую «юбилейную» монету с профилем Ильича.

– Благодарствуем! – расплылся одногруппник.

Бросив в сумку конспект, я спустился с высот мысли и духа в вестибюльную юдоль – и улыбнулся, приметив светленькую, кудрявую Лену Штерн за широкими входными дверями. Эротично зажав портфель между ног, девушка пристраивала исписанный листочек, сложенный вчетверо.

Милый факультетский обычай – оставлять друг другу записки в щелях застеклённых створок. Правда, лет десять назад в вестибюле повесили настенный шкафчик – солидную алфавитную почту, но, всё равно, совать послание в щёлку куда романтичней.

«Хм… Может… А вдруг?» – промелькнули в голове обрывки мыслей.

Замешкавшись, я неуверенно пошарил в ячейке на букву «С», и вытащил-таки письмо-треугольник. «А.Соколову» – было выведено красивым Ясиным почерком. Шариковая ручка отписала коротко, но ёмко:

«Дюш, мама меня просила отдать в ремонт кофейный столик. Я нашла краснодеревщика, он всё сделал и даже сам привез на матмех. Поможешь дотащить до дому?

Яся»

– Дюш! – послышался высокий, звонкий девичий голос, словно озвучивавший записку. – Получил?

Мгновенно смять письмо за спиной… Незаметно сунуть бумажку в карман пиджака…

– Конечно! – кинул я улыбку подбегавшей Ясмине. – А где… этот… «чиппендейл»?

– Ой, да какой там «чиппендейл»! – жизнерадостно отмахнулась девушка, тут же вздёргивая носик, чтоб поважничать: – Но тоже, знаешь, не что попало – стиль «Жакоб»! Гамбсовский столик.

– Как те двенадцать стульчиков? – подмигнул я.

– Точно! – хихикнула Яся. – Пошли, я его в гардеробе оставила.

– Ай-яй-яй… – поцокал я языком, изображая укоризну. – Какое легкомыслие! Сопрут же.

– Ты что?! – легко рассмеялась Ясмина. – Это же матмех!

– Ага… Знаем мы их, – забрюзжал я. – Вон, как на тебя зыркают! Всё стройные ножки измеряют, м-математики… – и похвалился, блаженно жмурясь вслед приятному воспоминанию: – А я знаю, какая у них длина – от ушек, плюс-минус бесконечность!

Девушка вдруг замерла, и меня кольнула тревога – не наболтал ли чего лишнего? А Яся прижалась легонько и чмокнула меня в уголок губ, выдыхая:

– Ты такой… такой хороший… – она зарделась, и договорила звонче: – И хорошенький! Хи-хи…

Резко развернувшись, но не гася румянец, Яся ссыпалась по ступеням в студенческий гардероб, а я последовал за нею, смутно улыбаясь – витали всякие предвестия и знамения…

– Вот! – с усилием выговорила одноклассница, а ныне сокурсница, приподнимая небольшой столик, обернутый грубой коричневой бумагой. Одни вычурные резные коленца торчали наружу, сверкая латунными колесиками.

Красное дерево… Бронзовые накладки… XVIII век, однако!

Я осторожно подхватил изделие Генриха Гамбса под мышку.

– Тяжело? – обеспокоилась девушка, заглядывая мне в зрачки.

– Справлюсь, – улыбнулся я. – Пошли.

– Ну, давай, я тогда хоть сумку твою понесу!

– А вот фиг тебе! Сам как-нибудь. – Я искоса мазнул по Ясе взглядом. – Ну, зрение мое ты услаждаешь… Давай, еще слух поуслаждай!

Подружка сверкнула зубками, с удовольствием повинуясь.

– Да ты представляешь… – заговорила она оживленно. – Я всегда думала, что самая старая вещь у нас дома – это дореволюционная швейная машинка. «Зингер»! Знаешь, на такой литой узорной станине. А ту-ут… Мама, когда мы ещё из коммуналки выезжали, вообще хотела этот столик выкинуть – старый очень, исчёрканный весь, потертый, облезлый какой-то… А вот мне его жалко стало. «Мама, – говорю, – ты что?! Да столику чуть ли не двести лет! За ним, может, Пушкин чаи гонял, а мы его на свалку?!» Отстояла, в общем. А потом мы как-то в шахматы играли с одним… Марков его зовут, он в Политехе работает – ассистентом у профессора. Кандидат технических наук, только хобби у него – мебель старинную реставрировать. Я ему про столик Гамбса рассказала, а он мне и говорит: «Тащи!» Ну, я и притащила… – Тотчас же, следуя немудрёной девчоночьей логике, Ясмина перескочила с темы на тему: – Ой, а я вчера с Лирой Алиевой пересеклась, тоже с нашего курса…

– С Лерой? – уточнил я правописание.

– Не-ет! Её Лира зовут. Тёмненькая такая, сама из Баку, а тут она с кем-то из факультетского бюро познакомилась. Любовь у них там, по комсомольской линии, или что… Ну, неважно! Главное, Лира уточнила, когда нам «на картошку»!

– И когда? – навострил я уши.

– А никогда! – с торжеством воскликнула Яся. – Представляешь? Нас должны были отправить еще три недели назад, в совхоз «Новый мир» – это где-то под Оредежем. Дотуда на электричке, потом на автобусе, а от остановки еще пять километров топать! Нормально?

– Зато природа какая! – ухмыльнулся я. – Лепота! И тишина…

– Нет уж! – фыркнула спутница, добросовестно услаждая слух. – Обойдусь как-нибудь. Лира говорит: «Спасибо партии родной!» По всей области колхозники сами убирают картошку! А потом не сдавать ее будут, а продавать. Оптом и в розницу.

– Ну, вряд ли все кинулись в поля… – рассудил я.

– Не все, – согласилась подруга. – Одна половина крестьянствует, а другая семки лузгает – и ждёт. Выжидает!

– Ну, тоже стратегия…

Долго ли, коротко ли, а показалась станция «Василеостровская».

– Доедем до «Купчино», а там рядом совсем! – щебетала Ясмина, подлащиваясь.

– Дорога легче, когда есть добрая попутчица, – перефразировал я Чёрного Абдуллу, и мы спустились в метро.

Тот же день, позже
Ленинград, улица Будапештская

Панельная девятиэтажка – не бог весть какие хоромы, только вот оценить по-настоящему скромную «двушку» мог лишь тот, кто полжизни провёл в коммуналке с общей кухней, и с санузлом, где на гвоздиках висят персональные сидушки.

Мы покинули кабинку лифта, тесную, как телефонная будка, и Яся быстренько отворила дверь, впуская меня в мамину – отдельную! – квартиру, в слезах намоленную и взлелеянную в мечтаньях.

– Заходи! – вызвенел девичий голос. – Сейчас я тебя кормить буду.

– А что у нас в меню? – пропыхтел я, занося антиквариат.

– Лагман! – донеслось откуда-то из двухкомнатных недр. – С баранинкой, с домашней лапшой… С овощами…

– О-о-о!

– Я даже зелёной редьки достала на Сенном, а без неё и лагман – не лагман… Сейчас я, подогрею только!

Яся выбежала, шлепая тапками и запахивая короткий халатик, просияла мимоходом и устремилась на кухню. Я тоже переобулся, а пиджак аккуратно повесил на плечики.

– А тёть Дина где? На работе еще?

– Не-е, у мамы отпуск! Она к сестре уехала, в Ульяновск.

– А-а…

На кухне бравурно забрякали тарелки, зашипела вода из крана.

– Дюш! Неси столик в комнату, мы лучше его накроем. А то на кухне слишком обычно… Как в понедельник утром!

– Понял, Ясь. Бу-сде!

Плотная крафтовая бумага не шуршала даже, а тихонечко погромыхивала, как лист жести. Я снял ее и поставил в угол – стоит колом, как джинсы.

Обошел столик, разглядывая, и уважительно хмыкнул. Маркова этого, хоть и не видел ни разу, я заранее терпеть не мог, но руки у кандидата росли, откуда нужно – изделие Гамбса блестело и переливалось, не пряча благородный цвет дерева под слоями морилки и лака, а сверкающие бронзовые розетки мигом будили почтение, отсылая память к екатерининским временам.

Полюбовавшись резьбой, проведя ладонью по гладкой столешнице, я застелил ее парой холщовых салфеток.

– Лагман теплый уже! – было слышно, как Яся захлопывает дверцу духовки. – Подавать? Или пусть еще греется?

– Тащи!

Минуту спустя девушка торжественно внесла расписную глиняную миску с парившим яством. Уловив исходящий от него дух, я издал голодный нутряной стон, плавно переходивший в хищное урчание.

– Подожди, не зверей! – прыснула девушка. – Дай, хоть тарелки принесу!

Сбегав на кухню, она вернулась, парой движений сервировала столик, и плюхнулась рядом со мной на диван.

– М-м-м… – промычал я, набив рот вкуснятиной, и завел глаза в потолок.

– Не притворяйся! – Яся смущенно пихнула меня локотком в бок.

– Да правда, вкушно!

Я нисколько не кривил душой. Паста аль денте с креветками под соусом болоньезе – вещь отменная, кто спорит, но и на Востоке знают толк в макаронных изделиях!

Мы насыщались, и в тишине лишь вилки звякали о фаянс, да с кухни доносилось размеренное качание маятника – грузики в форме шишек оттягивали время, близя кукушкино соло.

– Я еще пирог яблочный испекла, – лукаво улыбнулась девушка, доев свою кукольную порцию. – Оставь место в животике!

– Да, ты права, – вздохнул я, и решительно откатил столик. – Пирог – это святое.

Забравшись с ногами на диван, Яся уютно устроилась в уголку, и обратила ко мне неожиданно строгий, пристальный взгляд.

– Если честно, – сказала она вполголоса, облокачиваясь на мягкую спинку, – я вполне могла бы попросить Маркова, чтобы он привез столик не на факультет, а ко мне домой. Просто… – она нервно отмахнула челку. – Понимаешь, я хотела с тобой поговорить, но только чтобы не на ходу, а серьезно, тет-а-тет…

Губы у меня растянулись улыбчиво и простодушно.

– Я весь внимание.

– Кто ты, Дюш?

Моя улыбка утончилась, выдавая растерянность, а внутри словно морозцем обдало.

«Знамений ждал, да? Предвестий? – суматошные мысли носились в голове, срываясь в лёгкую панику. – Дождался?!»

– М-м… Не совсем понимаю… – медленно проговорил я, подпуская в голос иронию. – Ну-у… Вообще-то, меня зовут Андрей Владимирович Соколов, хотя можно и по-простому, без отчества. Мы, если помнишь, учились в одном классе…

– Помню, – Яся суетливо заправила за ухо некстати выбившийся локон. – Отлично помню. Восьмой класс… Конец третьей четверти… Перед самыми весенними каникулами. По-моему, это было пятнадцатого или шестнадцатого марта… Да, пятнадцатого, во вторник. Ты дурачился на перемене, задирался к Валдису… Ну, всё, как всегда! И на Тому вообще внимания не обращал… Потом тебя три дня не было, а в субботу в школу пришел… тот же Дюша, вроде бы, только это был уже не совсем ты, а как будто кто-то другой. Совершенно иные повадки! Исчезла порывистость, детская непоседливость, что, согласись, задерживается в мальчиках чуть ли не до самого выпуска. Ты больше не рвался из класса на большой перемене, не бежал в столовую с дикими индейскими воплями, как Пашка. Да у тебя даже походка изменилась, причем, резко – ты стал шагать спокойно и уверенно, по-взрослому, по-мужски! Понимаешь? За одну ночь вся твоя подростковая нескладность вдруг исчезла, вот так вот – раз! – и нету! Это было особенно заметно в общении с девчонками. Да, кровь еще играла у тебя на щеках, когда ты разговаривал с Кузей или с Томой, но это же вегетативка, на нее не повлияешь. Так ведь раньше ты вообще бы рта не раскрыл перед красоткой, вроде Наташки! Дулся бы, краснел, как сеньор Помидор! Согласись! А тут… И, кстати, Кузя тогда тоже заметила эту перемену в тебе. А твой взгляд! – она всплеснула руками, возводя очи горé. – Господи! Да у меня мурашки по всему телу сыпали, когда я смотрела в твои глаза – спокойные, умные… Даже так – мудрые! А иногда печальные. Глаза не мальчика. А твоя речь? Я же знаю, как парни матерились на переменках, на физре или на уроках труда! А ты перестал. Моментом! И твой язык стал богаче, и сама манера изложения поменялась… А тот мой день рождения помнишь? Последний на Лермонтовском? Мы танцевали под Джо Дассена, а я про Томку с Зорькой глупости болтала… Помню, задумалась тогда вслух, как бы Свете объяснить, слова подобрать, настроение для слов… А ты вдруг: «Ой, Ясь, не надо! Врагом станешь… У вас сейчас тяжёлый возраст: уже готовы любить, но ещё не готовы прощать». У вас, главное! Так и сказал! Как будто сам себя из нашего возраста вынул – и глядишь на нас со стороны! Я тогда поразилась просто. Как ты быстро повзрослел, говорю. Моментом! Помнишь? А ты сразу язык прикусил – понял, что лишнее сболтнул… Только ты не думай, будто я сразу всё это ухватила – и давай анализировать! Просто факт за фактом копились в голове и… Пришлось соображать, во что же они складываются, эти факты. Вот, например, я тогда начала частенько слышать от тебя всякие фразочки из фильмов и книг. «Это я удачно зашел!» или «Короче, Склифосовский!» Раньше такого за тобой не замечалось, вплоть до того самого мартовского дня. Всё, всё стало по-другому! Куда делась твоя разболтанность, трусоватость, необязательность? Ты вдруг окружил Тому трогательной заботой и вниманием! А потом… – она чуть повернула голову, глядя

в окно и покусывая губку. – А потом, вообще, какая-то мистика началась. Вдруг, из ничего, из ниоткуда в тебе развился математический дар… – завидев мое движение, Яся мягко сказала: – Дюша, я не спорю совершенно, да и видела прекрасно, сколько труда ты затратил на теорему Ферма. Но ведь еще два года назад ты списывал у меня «домашку» по алгебре! Редко, да, но бывало. Так откуда что взялось? А ведь теорема Ферма – это очень высокий уровень! Вот, – она вытянула руку, указывая на столик, – в тот год, когда мастер его собрал, тебе достаточно было изучить двадцать математических трудов… от силы тридцать, чтобы пробиться на самый верх, где царил Эйлер, Бернулли, Лагранж! Но теперь-то таких книг – сотни. И когда бы ты успел хотя бы прочесть их? Я уж не говорю – вникнуть! А твое хобби, кройка и шитье? Дюша! У хорошего портного опыт копится не годами даже, а десятилетиями! Ты же шил идеально, едва взявшись за это, не такое уж и простое ремесло! – Девушка смолкла и глянула на меня исподлобья, теплея щеками. – Знаешь… – молвила она смущенно. – Однажды я сильно испугалась. Стою вон там, у книжного шкафа, листаю бездумно «Фауста» Гёте – и тут меня словно хоро-ошей «цыганской» иглой поддело. А вдруг, думаю, и правда?! – она усмехнулась криво-вато, отводя глаза. – Ты не думай ничего такого… И святой водой я не запасалась. Просто… Просто нашла доказательства другой своей гипотезы, куда более материалистической, подобающей комсомолке и студентке матмеха. Я выписываю журнал «Знание-сила»… – Яся замерла, и тряхнула головой. – Н-нет, пожалуй. Сначала напомню тебе об одном позапрошлогоднем вечере. Нас было трое – ты, я и Тома Афанасьева. Стоим мы у кинотеатра «Аврора», и ждем начало сеанса. Мне было неприятно числиться третьей лишней, но Томка настояла, и я пошла с нею. Тогда шел фильм с Сенчиной – «Вооружен и очень опасен». Помнишь? Мы топчемся у входа, а ты бубнишь: «Стояли звери около двери. В них стреляли, они умирали…»

Меня прошило той самой иглой.

– Ах, вон оно что… – глухо выдавил я, ёжась. – И ты получила девятый номер журнала…

– Да! – горячо выдохнула Яся. Взволновавшись, она привстала на коленки. – Да! А там новую повесть Стругацких начали печатать – «Жук в муравейнике» – и на первой же странице эпиграф, тот самый «стишок маленького мальчика»! «Стояли звери около двери…» Журнал только-только вышел, и никто, никто не мог декламировать стишок в позапрошлом году! Да разве только это? Я просто привела самый свежий пример, буквально вчерашний! А ведь были и другие. Помнишь, мы еще в восьмом учились… Последняя четверть и… В апреле, нет, в мае! Тебе тогда нравилось к Валдису цепляться – ты с этаким прищуром, будто целишься, называл его «кокó». А как только сдашь контрольную по алгебре, ухмыльнёшься и бросишь небрежно: «Кофе, рюмку ликёра, сигару!» Раза три так было, но прошло полтора года, пока я сама не увидела тот фильм с Бельмондо, и не поняла, за кем ты повторял.

– «Чтобы найти ответы, – процитировал я, криво усмехаясь, – нужно задавать правильные вопросы».

– Точно! – возбуждённо воскликнула Ясмина. – Это из того же фильма… Вспомнила! «Частный детектив»!

– Хороший фильм, – вздохнул я, откидывая голову на спинку дивана. – А музыка просто завораживает… Такая… щемящая, атмосферная…

– Кстати, о музыке, – блеснула глазами Яся. – В позапрошлом году, на даче у Афанасьевых… Помнишь? Мы тогда на троих сообразили, хи-хи… Наливка из чернослива «Спотыкач»! После второй ты «захорошел» и напевал: «Москау, Москау, вирф ди глэзер ан ди ван, Русланд ист ан шёнес ланд…» Мне та-ак понравилось! Главное, мелодия такая классная! Я тогда хотела спросить, откуда композиция, но забыла. А летом, где-то в августе, услышала снова, по «Радио Люксембург»… «Москау» совсем недавно сочинили – немецкая группа «Чингиз-хан». Но вот в том году петь её было некому. Кроме тебя. Дюш… Ты из будущего?

Я долго молчал.

Понимал прекрасно, что Яся меня вычислила. Собрала паззл. И отпираться было бесполезно. Сказав «нет», я лишь утрачу и доверие Ясино, и уважение.

А выкручиваться, изворачиваться… Не хочу. Противно.

Самое же главное чувство, то, что сейчас рвалось из глубин моего «Я», звалось облегчением. С каждой секундой становясь сильнее и сильнее, росло во мне страстное желание открыться, перестать всё носить в себе. И я разлепил губы, выталкивая:

– Да.

Девушка восторженно запищала и резво метнулась ко мне на колени. Полы ее халатика разошлись, оголяя высокие, упруго вздрагивавшие груди, но Яся как будто не замечала этакой малости.

Она с ходу притиснула меня, покрывая поцелуями мои щеки, губы, шею, шепча: «Люблю… Люблю…», а я бесстыдно лез под халатик, мял девичьи ягодицы, тугие, как мячики, гладил стройные бёдра, и словно вчуже поражался силе нашего обоюдного желания. Раскрылась моя тайна – и мы сами раскрылись, самозабвенно и безоглядно.

Ясин халатик… Моя одежда… Всё небрежно отлетало и падало на ковер. Мы даже диван-кровать не стали раскладывать. Зачем? Нам вполне хватало места, если лежать в обнимку. А как иначе-то?

Неумелая, но искренняя, Яся отдавалась вся, плотью и душой, с блаженным неистовством гурии, тискаясь так, как будто притиралась ко мне каждым изгибом, выпуклостью, щёлочкой.

Всю свою кипучую, годами сдерживаемую нежность она дарила мне – без стыда, без счёту, без краю.

Последний сладкий стон, последний вскрик – девушка подо мной вытянулась струнко, запрокидывая голову и размыкая губы, будто для глотка воздуху – и я поцеловал ее шею, ртом накрывая пульсирующую жилку.

– Дюша… – прошелестел голос, истончаясь. – Люблю тебя…

Мой поцелуй пришелся на слово «люблю», слетевшее с сухих девичьих губок – я будто слизнул нежный шепот.

Амурный жар более не горячил. Мы лежали, прижавшись грудью к груди, и наши сердца взволнованно перестукивались.

Я не жалел о том, что «сдался на милость победительницы». Будь у меня шанс «отмотать» жизнь на час назад, я бы точно так же поддался искушению. А если бы устоял, то потом всю свою жизнь жалел бы о «триумфе воли». Ясмина…

Моя ладонь скользнула по гладкому изгибу бедра в западину талии. Девичий ротик тут же растянулся в дремотной улыбке, а веки дрогнули, распахивая глаза, полные радостного ожидания.

– Я такая счастливая! – выдохнула Яся. Поёрзав, она уткнулась лицом мне в шею и спросила невнятно: – А какой там был год?

Я сразу понял её посыл.

– Две тысячи тринадцатый.

– Двадцать первый век?! – ахнула девушка, кругля глаза. – Ого… Так тебе сколько тогда… Пятьдесят?!

– Пятьдесят два, – неохотно поправил я. – Как Кисе Воробьянинову…

– Вот почему у тебя взгляд такой… – вытолкнула Яся дрожащим шепотом. – Недаром же говорят, что глаза – это зеркало души! Но… как? Рассказывай, рассказывай! – затеребила она меня. – Ой, нет, подожди, тебе же так неудобно – ложись на спину!

– А ты?

– Ложись, ложись! – хихикнула девушка.

Я лёг, довольно покряхтывая, а она гибко присела в позе амазонки, зажимая бёдрами мои бока. Меня сразу потянуло огладить ладонями Ясины груди, тугие и налитые… Сдержался с великим трудом. Опустил руки на ладные коленки, но мой взгляд, даже если я засматривался на серые глазки, упорно соскальзывал к влекущему четвертому размеру – на белой атласной коже чётко выделялись ареолы и набухшие соски. Они были не розовыми, как у Оли или Кузи, а тёмными, цвета молочного шоколада. Особая примета девичьей страстности – повышенный гормональный фон усилил пигментацию…

– Знаешь, я сейчас подумал, что, пожалуй, верны обе твои гипотезы… – мой голос дрогнул. – А не порадела ли за меня «часть силы той, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»? Нет, я не расписывался кровью, продав душу дьяволу, всё происходило очень буднично и скучно – выехал с Киевского вокзала до Шепетовки, а попутчик оказался нереализованной Сущностью… То ли богоидом, то ли, как он сам выразился, «тенью, которую отбрасывает в прошлое одно вероятное явление, частью которого может стать человечество». – Я замолчал, соображая. – А для того, чтобы Сущность перестала быть «явлением в процессе самосборки» и могла реализоваться, человечеству необходимо достичь высшей формы общества. Поэтому явление инициирует запуск альтернативных временных потоков, пытаясь достичь результата хотя бы в одном из них, этого будет достаточно. Необходимо и достаточно… Беда в том, что пока еще ни одно из человечеств, прописанных в тысячах пространств и миров мультиверсума, не дожило до определенной общественной формации. Люди, едва выйдя в космос, едва прикоснувшись к мощи ядра, гибнут в атомных или биологических войнах, мрут, вырождаясь в генетических экспериментах…

– Ужасно… – вымолвила Яся. – Бедная Сущность…

– Да уж… Я не знаю толком, почему она выбрала именно меня, почему именно мне предложила поработать в одном из временных потоков. Сама она почти ничего не может, разве что задействовать очередное ответвление, да еще шунтировать информацию против градиента времени. Перенос личностной матрицы в прошлое – это тоже информационное шунтирование… И Сущность как бы делегировала мне управление этим шунтом! Я могу отсюда, из прошлого, обращаться ко всем знаниям, пониманиям и навыкам, существовавшим в будущем на момент моего ухода, подтягивать их и усваивать. Называется – брейнсёрфинг…

Я выложил всё. О письмах Андропову, о том, как метался между КГБ и ЦРУ, и как вдруг подключился «Моссад»; о том, до чего ж трудно и больно было постигать чужие математические открытия…

А вот о мрачных страничках моего не святого жития я умолчал – даже о ликвидации Чикатило девушке лучше не знать. Мне не в чем было каяться, нечего было стыдиться, просто женское разумение иначе рисует и образ врага, и образ смерти.

Откровение далось нелегко, я выдохся, но меня грело чувство приятной опустошенности – и крепнущее сознание: «Ты больше не один!»

– Твоя цель – коммунизм? – тихо спросила Яся, ласково, кончиками пальцев, оглаживая мое лицо.

– Мне хотя бы социализм спасти, – ответил я ворчливо. – Ну, и весь мир заодно.

Девушка замедленным жестом отвела прядь волос, щекотавших ей щёку, и сказала, раздельно и чётко:

– Я буду с тобой. Всегда! Не предам и не сдам, ни за что на свете. Не потому, что люблю тебя… Вернее, не только поэтому. Просто твое дело – правое, и я очень, очень хочу, чтобы победа была за тобой… За нами!

Она выгнула спину, отчего груди очертились идеальными параболоидами. Естественно, я не стерпел, и дал волю рукам…

– А чай? – спросила девушка слабым голосом, подаваясь послушно назад, ощупью укладываясь навзничь. – Будем?..

– Будем, – ответил я, умащиваясь между Ясиных коленок. – Позже.

Глава 2.

Понедельник, 24 сентября. День
Ленинград, Университетская набережная

Последней парой шла высшая алгебра. Её нам читал сам декан, и читал энергично, с напором и жаром. Знаменитые усы Зенона Ивановича,[2] похожие на колючую щётку, воинственно топорщились в особо важные моменты, а после лекции он запаренно топтался, весь в мелу, и даже обширная лысина была перепачкана белым.

…И вот ещё одна страничка в конспекте заполнилась усушенной, строгой, концентрированной учёностью, нараставшей, как годовые кольца на дереве. Впрочем, главное крылось не в объёме, а в системе.

Система – вот, чего мне не хватало! Мой мозг напоминал неприбранную холостяцкую квартиру, где вещи вразброс, книги стопками на полу, а стул заняла сковородка с пригоревшей яичницей. Теперь же профессора, словно мобильная клининговая бригада, наводили порядок в хитроумных извилинах, расставляя всё по местам, по полочкам и вешалкам.

Учёба давала мне драгоценный навык обращения со знаниями и, перво-наперво, их применения в жизни, на практике, чтобы решать любые задачи, даже те, что признаны нерешаемыми.

Благодаря брейнсёрфингу, у меня в голове сложилось что-то вроде верхнеуровневого понимания почти всей математики, но – крупными узлами, схематически.

А вот моя учёба как раз осуществляла детализацию – словно линза, приближая те самые узлы, и они начинали представать уже как россыпь мелких узелочков. Начиная танцевать от них, можно было браться за более частные задачи и проблемы.

Так и заполнялись лакуны в моих познаниях, те самые «большие-пребольшие дырки». А пробелов и пустот хватало.

Ведь вся моя траектория изучения математики, будучи скоростной и преимущественно – высшей степени, вилась пунктирной линией, проходя по вершинам, основным базовым массивам – и оставляя множество непроработанных деталей в глубоких тенях, в нижележащих складках; тех деталей, что не столь уж и нужны на топ-уровне понимания, но они обретали чрезвычайную важность, когда ищешь конкретные решения в той или иной области.

И, чем дольше я занимался, тем большее удовольствие и спокойствие ложились на душу. В первые дни матмех чудился мне продолжением школы. «Исходящая» пара – и домой! И уроки делать не надо! А на факультете – тишина до утренней зари…

Но я быстро разобрался в здешних смыслах. Матмех и впрямь затихал после трёх, но ненадолго. Часов с четырёх начиналась бурная вечерняя жизнь – открывались научные кружки, спецкурсы и семинары, читались лекции, выпускались стенгазеты… Да какие! Куда там школьным «дацзыбао»!

Именно сегодня, на ночь глядя, готовился номер «Матмеха за неделю», а завтра с утра он займёт полстены в вестибюле – склейка из трёх-четырёх листов ватмана. Но это что… К ноябрьским вывесят стенгазету «Математик» из десяти листов!

В общем, я «попал» на истинный матмех. Не на тот, что в будущем реально пустеет после трёх – и цепенеет, а на живой, нынешний, настоящий, где преподы учат с утра до ночи, а школяры внимают, постигая «тайны страны Аль-Джебры».

---

[2] З. И. Боревич

Я и сам записался на полугодовые спецкурсы к Рохлину – Владимир Абрамович читал топологию с восьми до десяти вечера.

Самое восхитительное заключалось в том, что никаких «указивок» по курсам не спускалось с министерских высот. Преподаватели сами вели занятия – из любви к искусству.

А сегодня мне и вовсе повезло – урвал в факультетской библиотеке «Введение в математическую логику»! Пожилая библиотекарша в седых кудряшках выдала мне потрёпанный, зачитанный сборник, пока я озирался, гордясь добычей.

На старинном абонементе, почти не тронутом бурями XX века, застоялась тишина, зато стены хранили обличье времён Бестужевских курсов и самый дух той эпохи. Вышел я на цыпочках.

Поднялся по внутренней лестнице на второй этаж, где располагались учебные классы, преподавательская и кафедра астрономии, и лишь отсюда спустился в вестибюль – да, поход в библиотеку сам по себе выглядел топологической задачкой!

Стройную фигурку Томы я высмотрел ещё со ступеней. Джинсовое платье в стиле милитари, пошитое мной в порыве вдохновения, очень ей шло, сочетая строгость кроя с изяществом силуэта. Фрейлен Гессау-Эберляйн, держа плащик на сгибе локтя, разглядывала стенгазету «Плюс-минус бесконечность», куда писали местные стихотворцы, а я заглядывался на Тому. Мне, если честно, было совестно за вечер пятницы. И за утро субботы…

Я досадливо скривился, чувствуя, что опять загнал себя в угол – в угол любовного треугольника – и понимая, что иначе не мог. И не хотел. Да и не должен был…

Только мне от этого не легче. Задача трёх тел не просто сложна, она не разрешима из-за фактора хаоса.

«Но это в математике, – притекли успокоительные мысли, – а вот в жизни решение обязательно найдётся!»

– Томочка, привет! – бодро сказал я.

Девушка резко обернулась, колыхнув тяжёлой волной волос, и расплылась в улыбке ослепительной радости.

– Привет, Андрюша! – Тому живо потянуло ко мне, но она тут же смущенно замерла. Быстро оглядевшись, прижалась-таки на секундочку, чмокнула в уголок губ, и зарделась, нежно розовея. – Я так соскучилась…

– И я, – честно вздохнулось мне. – Ой, подожди, куртку забыл! Я быстро!

Ссыпавшись по ступенькам в раздевалку – мелькнуло воспоминание о школьном гардеробе – я мигом вернулся, тщетно пытаясь одной рукой накинуть кожанку.

Тома улыбнулась и протянула руку.

– Давай, сумку подержу.

– Ага…

– Смотри, что тут пишут. Почти как у Пушкина! Хи-хи…

Одёргивая рукава, я подошёл к газете.

– Вот! – тонкий Томин палец ткнулся в строчки, выведенные каллиграфическим почерком. – Это мне больше всего понравилось.

– Да тут целая поэма… – хмыкнул я, вчитываясь в вирши.

Сам Фихтенгольц в былые лета
Сюда охотно приходил.
Заслуженный профессор этот
Обузы в том не находил.
Пижонистый, но беспристрастный,
Студентов суетился рой,
Логичны, чётки и прекрасны,

Решенья сыпались горой.
А в три часа матмех пустел.
Иной ворочался угрюмый,
Иной от счастья тихо пел,
А третий шёл домой и думал:
«Моденова освоив том,[3]
В два счёта получу диплом!»

– Да куда тому Пушкину! – фыркнул я насмешливо.

Тома засмеялась, набрасывая плащ. Затянула поясок, и взяла меня под руку – спешащие на волю студенты глазели на нас, а я, внешне храня покер-фейс, внутри стыдливо отворачивался от назойливой памяти.

На улице было свежо, вдоль набережной и вовсе задувало. Ветер с моря плескал холодными тёмно-зелёными волнами, нагоняя рябь – зеркало вод словно покрывалось сеточкой мелких трещинок, и отражение распадалось на пиксели, заплывало мутью.

– Тепло ль тебе, девица? – спросил я, сильнее прижимая Томин локоток. – Тепло ль тебе, красная?

– Тепло, батюшка! – хихикнула «Мелкая».

– А чего ж тогда ёжишься?

– Боюсь, – вздохнула красна девица.

– То-омочка! Тому-усечка! – заговорил я экспрессивно. – Ты же не поступаешь сегодня! Просто встретимся с человеком, поговорим… Пусть скажет, как тебе лучше готовиться – где поднажать, а где и так хорошо.

– Нигде… – вымолвила Тома, впадая в унылость.

– Разговорчики! – сурово оборвал я пораженческий настрой. – Шагом… марш! Левой! Левой!

Пихаясь и хихикая, мы промаршировали почти до самого Восточного факультета, пока мне в глаза не бросился знакомый «Жигуль» кричаще-алой расцветки. Буладбаатар Цырянович, невысокий и плотный, налитой здоровьем, крутился у машины, заботливо протирая зеркальца.

– Ничего не бойся, – мой голос отдавал суетливостью. – Шагдаров – доцент, специализируется на средневековой японской поэзии. Может подвести… к кому надо. Мало ли! Вдруг возникнут проблемы на экзаменах? Что же, год терять до следующего лета? – Сменив тон на задушевный, я прижал к сердцу пятерню. – Честное комсомольское, верю в тебя больше, чем в самого себя! Вот правда. Поступишь и так, но подстраховаться будет нелишне. Или, там, нюансы какие узнать… – Набрав в грудь воздуху побольше, я громко поздоровался: – Коннити-ва, Буладбаатар Цырянович!

Широкое, круглое лицо Шагдарова расплылось в улыбке узнавания.

– Коннити-ва, Андорэи-кун! – радостно вскричал он, скашивая хитрющие чёрные глаза на девушку. – Коннити-ва, Томо-тян! Садитесь, молодые люди, а то зябко как-то. Тома, вы – на переднее.

Понятливо улыбнувшись, девушка клацнула дверцей и гибко скользнула, куда сказано. Шагдаров, кряхтя, устроился за рулём – машина качнулась, а я юркнул на заднее сиденье. Ох, и тесно в обрусевшем «ФИАТе»…

Мотор завёлся с пол-оборота, заурчал тихонько, нагоняя тепло, и водитель развернулся к Томе.

---

[3] П.С. Моденов, «Сборник задач по специальному курсу элементарной математики».

– Дрожите? – спросил он сочувственно. – Правильно, я тот ещё людовед и душелюб… Ответьте сначала, почему – Япония? Почему не Китай, не Индия, не арабские страны? Восток большой…

Фрейлен Гессау-Эберляйн думала недолго.

– Наверное, потому, что у моей мамы были японские корни, – тихо сказала она. – Её отца… моего деда, звали Токаши, а дочери он дал имя Дзюнко. Ну, здесь, в Союзе, его живо переиначили… М-м…

– И стала Дзюнко Зинкой, – кивнул Шагдаров. – Понятно. А мама твоя… – я поймал в зеркальце его взгляд, и прижал палец к губам. Поняв, доцент смущённо затянул: – Ага… Ну… Зов крови – это уже достаточная причина!

– Не только, – мотнула Тома головой. – Мне ещё очень нравится отношение японцев к прекрасному. Любоваться цветением сакуры весной или красными листьями клёна осенью – это очень… моё, что ли. И ещё мне по душе житейская простота. Япония, по сравнению с Китаем, вообще, как бы антимир! Если китайцы всё максимально усложняют, прячут содержание за внешней формой, за вычурностью, то японцы, наоборот, опрощают изыски, выявляя суть. Во всём! И в искусстве, и в поэзии, и даже в кулинарии. Знаете, я как-то читала Хемингуэя, и подумала, что он пишет очень… по-японски. Оставляет всё недосказанным, пряча истинный смысл в том, что лишь подразумевается. Никаких лишних слов, а постоянные рваные фразы будто нарочно подчеркивают – в мире нет целостности! – Она смутилась и забормотала, опуская ресницы: – Как-то вот так. Сошлись Запад и Восток – я и хокку люблю, и рассказы «старика Хэма»…

– А что вам больше всего нравится из хокку? – просветлел Шагдаров.

– Ну-у… – задумалась Тома. – Ну, вот это, например.

И поля, и горы –
Снег тихонько всё украл…
Сразу стало пусто.

– Найто Дзёсо, ученик самого Басё, – со вкусом сказал доцент, щурясь от удовольствия. – А я ещё вот это люблю у него:

Снега холодней,
Серебрит мои седины
Зимняя луна…

– Рано вам печалиться, Буладбаатар Цырянович, – мягко вмешался я. – А седые волоски в вашей густой и пышной шевелюре можно по пальцам одной руки пересчитать!

– Хех! – осклабился ценитель японской поэзии, и обронил, не пряча наивной гордости: – Что есть, то есть! А ближе к ноябрьским буду отмечать «кожаную» свадьбу. Да-а!

– Поздравляю! – оживился я. – И как ваша единственная?

Шагдаров до того расплылся, что узкие глаза его смежились и вовсе в щёлочки.

– А у меня теперь две единственных и неповторимых! – радостно закудахтал он. – Весной Кончита родила девочку. Марселе полгодика уже!

– Ой, хорошо-то как! – воскликнула Тома, и страшно заинтересовалась: – А ваша жена, она кто? Испанка?

– Кубинка! – Буладбаатар Цырянович замаслился в ласковой улыбке, и молвил с выражением: – Мария де ла Консепсьон Гуттиэре Ревуэльта-Шагдарова! Следующим летом хотим слетать в Гавану, но… Не знаю. Посмотрим ещё. Слу-ушайте… – завертел он головой, пере-

водя взгляд с меня на Тому, и обратно. – А чего мы в машине теснимся? Давайте посидим где-нибудь! Поедим… А то я толком и не обедал сегодня!

– Упущение, – я покачал головой в нарочитой серьёзности. – Может, в «Котлетную имени Пушкина»?

– А-а… – Водитель поскрёб за ухом, соображая. – Это… А! На углу Невского и Мойки?

– А почему «имени Пушкина»? – удивилась Тома, оборачиваясь ко мне.

– Ну, молва такая прошла, будто на том самом месте стояла кухмистерская, куда Пушкин захаживал. Там жарят просто потрясающие котлеты, большие такие, круглые…

– Поехали! – быстро сказал Шагдаров, трогаясь с места.

Фрейлен Гессау-Эберляйн глянула в зеркальце, и я уловил отражение её смеющихся глаз.

Вечер того же дня
Ленинград, Измайловский проспект

Всё-таки одну потрясающую котлету, большую и круглую, пришлось умять. Шагдаров наставлял Тому, девушка строчила в блокнотике, а я насыщался.

Обычно «кухмистерскую» осаждает голодное студенчество из «Бонча»[4] напротив, но в пятом часу лишь трое-четверо таксистов составили нам компанию, погружаясь в парное тепло и сытые запахи общепита.

Вернувшись домой, я переживал, что ужин в меня не полезет – и кое-кто сильно обидится за нетронутые тефтели. Зря переживал. Всё съел, ещё и добавки попросил.

Тефтельная церемония…

Мама примостилась напротив, по давней привычке подложив ногу под себя, и пила чай с единственной конфетой, боясь растолстеть. Прихлёбывая, она чуть жмурила глаза – наслаждалась тихой домашней благодатью и роскошью общения.

– А папа где? – лениво поинтересовался я, ковыряя пятый по счёту «ёжик».

– Задерживается папа, – мать перехватила мой подозрительный взгляд, и насмешливо задрала брови: – Это не то, о чём ты думаешь! Всё у нас хорошо, Андрюшенька. А у тебя?

Я прямо глянул в её честные-пречестные глаза.

– Мам, ты учёбой интересуешься или…

– Или, – дан был твёрдый ответ. – С учёбой ты справишься, знаю, верю, но, видишь ли… Ну, что учёба? Ну, получишь ты диплом… устроишься на работу… А счастье? А душевный покой? Ох… – и она сварливо заключила: – Ну, должна же я знать, в чьи руки передам своего сынулю?!

– Ты меня, как котёнка пристраиваешь! – фыркнул я. В голове копились грустные мысли, но вот странность – настроение моё не падало в минус. Родной дом и мирная тишина обволакивали уютом. – Мам, а когда ты замуж выходила, ты папу любила?

– Конечно!

– А он тебя?

– И он меня, – уверенно сказала мама. – Я была счастлива, Дюш. Да я и сейчас… А почему ты спрашиваешь?

– Да понимаешь… – я запнулся, формулируя. – Меня любят, а вот я, похоже, никого не люблю по-настоящему. Думал, с Афанасьевой что-то получится, но там всё разладилось, и… И всё.

Родительница навалилась на стол, и заговорила вкрадчиво:

– Так-так-так… Если тебя любят, значит, девушка не одна, а их, как минимум, две… Ты поэтому звонил в пятницу вечером?

[4] Ленинградский электротехнический институт связи (ЛЭИС) им. М. А. Бонч-Бруевича.

– Ну… да, – покаянно кивнул я, слегка зарумянившись.

– А кто они?

– А вот не скажу! – в моем ответе звучало мстительное коварство. – Должна же быть хоть какая-то интрига!

– Вот всегда так! – разочарованно воскликнула мать. – Паршивец мелкий! На самом интересном… – Она пригорюнилась. – Как же ты вырос уже…

– Метр восемьдесят четыре, – мой желчный тон прикрыл смущение.

Зазвонил телефон и я, шаркая тапочками, поспешил в прихожку.

– Алё?

– Здравствуй, Андрей, – витой провод донёс уверенный голос Минцева. – Можешь завтра подойти часам… м-м… часам к пяти?

– В райком? – сухо уточнил я.

– Да.

– Буду.

И повесил трубку.

Вторник, 25 сентября. День

Ленинград, проспект Огородникова

Настроение у меня было немного шизофреническим – я одновременно и не хотел заходить в райком, и рвался туда. Меня останавливали вполне осмысленные рациональные причины, а вот эмоциональные, достойные отрока позывы толкали в спину, требуя немедленной сатисфакции. И степенная рассудительность взрослого человека ничего не стоила в юном бушевании чёрно-белого максимализма. Да, мне удавалось кое-как сдерживать душевные порывы с завихрениями, но за бесстрастной маской Чингачгука на юном лице клокотало неистовство и кровожадное желание снимать скальпы.

Я потянул на себя тяжёлую дубовую створку, и решительно шагнул за порог.

«А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!» – воинственно крутилось в голове.

Стукнув в дверь бывшего кабинета Чернобурки, я вошёл и буркнул:

– Здрасьте!

– Здравствуй, Андрей. Проходи, садись.

Куратор, как всегда, вальяжно развалился за столом. Похоже, на службе он отдыхает от сохнущих пелёнок, тёплых бутылочек с разжёванными сосками и прочих семейных радостей.

Я снял куртку и меланхолически прошествовал к креслу для посетителей. Минцев с любопытством следил за мной.

– Что, не в настроении? – мурлыкнул он, щурясь, как большой дворовый кот, дежурящий у мусорного бака.

– Георгий Викторович, – негромко, но холодно заговорил я, глядя куда-то за стеклянные дверцы шкафа, плотно набитого синими томами ленинских трудов, – весной я расстался с одной девушкой… С Тамарой Афанасьевой из нашего класса. Особо я не страдал. Но, всё равно, меня сильно задело, когда Тома переехала с родителями в Москву, а мне и слова не сказала. Не попрощалась даже! Это случилось весной, а в начале сентября я узнал причину странного Томиного отчуждения. Она испугалась. Вернее, ее напугали! Арлен Михайлович Константинов…

Как я и предполагал, куратор дёрнулся, пристально взглядывая на меня.

– А откуда ты знаешь его фамилию? – спросил он прохладным голосом. – Разве он представлялся?

– Услыхал в лагере, когда товарищ Константинов мундир измарал, – усмешка моя вышла кривой и злорадной. – К нему так Светлана Витальевна обратилась. Так вот, этот товарищ, оказывается, уговорил Тамару следить за мной, и докладывать о том, с кем я встречаюсь, что

делаю, что говорю… – я коротко выдохнул, словно разряжая нарастающее напряжение в себе, и сдавленным голосом продолжил: – Сначала он Пухначёву подбивал «стучать», но Марина – девочка крепкая, настоящая комсомолка. Мы с нею поговорили, и поняли друг друга. А Томка… – мне вспомнилась рыженькая «зеленоглазка», наши обнимашки на лестнице… В груди защемило, еще пуще распаляя натуру. – А Томка слабая, она сломалась! Плакала и боялась. Боялась и плакала…

Минцев слушал спокойно, с неким деловитым безразличием. Повёл головой, как будто воротник рубашки жал ему, и сказал, глумливо усмехаясь:

– Это тебе Акчурина рассказала?

У меня даже пульс сбился.

– Вы и за ней следите? – сипло выдавил я.

– А зачем? – хладнокровно сказал подполковник, пожимая плечами. – Элементарная логика! Ясмина Акчурина была ближайшей подругой Тамары Афанасьевой, а ныне она учится на том же факультете, что и ты. – Поёрзав, он устроился поудобней, и облокотился на стол. – Да, Андрей, Арлен Михайлович искал в твоём ближнем кругу людей, готовых сотрудничать с нами, и находил их…

– А на кой чёрт тогда сотрудничать мне?! – заорал я, спуская накопившееся зло. – Если вы вот так, мимоходом, окунаете моих друзей в дерьмо или вовсе ломаете им жизнь! Не доверяете?! Ну, так засуньте меня куда-нибудь, за высокий бетонный забор с колючей проволокой, и держите там! – с отвращением глянув на Минцева, я смолк, пытаясь хоть как-то успокоить разгулявшиеся нервы.

Куратор не хмурился. Он смотрел на меня бесстрастно и даже чуточку печально.

– Будь ты тем самым «Слоном», которого ищут американцы, мы бы так и поступили, – речь Минцева текла вяло, будто по обязанности. – Наверное… Ну, по крайней мере, такой вариант рассматривался. Запереть на каком-нибудь сверхсекретном объекте – и всего делов… Андрей, ты пойми, государственная безопасность не замыкается кремлёвскими стенами или Садовым кольцом, – заговорил он проникновенно. – Беречь надо весь Союз, от Москвы до самых, до окраин! И здесь личные обиды не в счёт. Да, «доверяй, но проверяй!» А как ты хотел? Слишком многое поставлено на кон. Миллионы жизней! Миллионы судеб, как бы пафосно это ни звучало! Помнишь, как тебя хотели вывезти за рубеж? Вижу, что помнишь. А ты знаешь, что происходило в июле? Мы же в курсе были, что для грязных «прямых акций» ЦРУ использует добровольцев, тех же боевиков НТС и прочую мразь! Тогда в Ленинград отправили чуть ли не полк отдельной дивизии осназа имени Дзержинского, а консульство США взяли под усиленную охрану, якобы с целью предотвращения терактов! До сих пор не знаю, кто же в меня стрелял – американцы или израильтяне? Вряд ли они моей смерти добивались, хотели бы – убили. Просто «удалили с поля», чтоб не мешал… «Моссад» всё испортил – и нам, и цэрэушникам! Всё пошло не по плану, мы подстраивались, что хуже всего, импровизировали на ходу… Ну, хорошо кончилось, и ладно! – помолчав, подполковник вздохнул: – Не злись, Андрей. Думаешь, я ничего не понимаю? Всё я понимаю… – Глаза Минцева опасно блеснули. – А тебе Акчурина не рассказывала, как товарищ Константинов и её хотел в разработку взять?

– Чего-о?! – вытаращился я.

– Того, Андрей! – довольно ухмыльнулся куратор. – Того самого. Арлен у нас большой спец по женскому полу! Да, пытался и Ясмину охмурить, но она, единственная из троицы, сразу и сходу послала его в пешее эротическое путешествие – даже разговаривать не захотела. Стойкая девчонка – честная и верная, прямо, как ты!

Я негодующе фыркнул, но душе стало тепло.

«Молодец, Яська!»

– А насчёт Афанасьевой ты зря… – Минцев почти разлёгся в кресле. – Всё с ней нормально. Вон, в МГУ поступила… на исторический факультет, кажется. Но звал я тебя по поводу совсем другой девушки, хотя тоже рыженькой.

Подумав, я задрал брови.

– Мэри Ирвин?

– В точку! – прищёлкнул пальцами куратор. Кряхтя, он выбрался из кресла и прошёлся, сунув руки в карманы брюк, отчего пиджак смешно встопорщился за спиной. – Сразу скажу, чтобы тебя успокоить – у нас нет планов на её вербовку. Были, да, но начальство подумало и решило, что пусть победит дружба! Мисс Ирвин дважды побывала в твоих экспедициях, она прониклась, в какой-то мере, советским духом, понимать стала, почему мы такие, что ценим, чего хотим. Вот и пусть у себя на родине просто-напросто рассказывает о нас правду!

– Так вы хотите… А-а… – дошло до меня. – Использовать Мэри как агента влияния? «Мягкая сила»?

– Конгениально! – преувеличенно восхитился Минцев. – А теперь смотри. Ты для неё товарищ и авторитет, и сможешь объяснить «рыжуле» те вещи в нашей жизни, которые ей будут непонятны. К статьям в газете «Правда» она отнесётся с подозрением, а вот тебе поверит!

– А я ей никогда не врал, – мне захотелось поджать губы.

– Так именно! А теперь слушай, – куратор присел на угол стола, болтая ногой. – После нового года пройдёт XXVI областная конференция ВЛКСМ, и у нас возникла интересная идея – пригласить на неё Мэри Ирвин! И не просто пригласить, а ещё и наградить Почётной грамотой… м-м… Ну, скажем, «за активную работу по интернациональному воспитанию, большой вклад в развитие и укрепление мира, дружбы и солидарности молодёжи»! Как тебе?

– Неплохо, – заценил я. – Умно. Только я тут причём?

Минцев оскалился хищной мефистофельской усмешкой.

– А какой, по-твоему, интерес у «товарищей» из ЦРУ отпускать в Союз гражданку Соединённых Штатов? Не знаешь? Так я тебе скажу! Чтобы следить за тобой, Андрюша, и докладывать о том, с кем ты встречаешься, что делаешь, о чём говоришь! Понял? Нет, Мэри не шпионка и даже не информатор, но неужто она откажется рассказать о своём советском друге… Ну, скажем, обаятельному репортёру? Или коллеге из школы, где она работает? Согласись, хороший источник информации. Причём, правдивой, искренней, из первых рук! Ну, что? – подмигнул куратор. – Берёшься, агент «Волхв»?

– Да куда ж я денусь… – пропыхтел я, выбираясь из кресла. – Служу Советскому Союзу!

Глава 3.

Среда, 3 октября. День
Ленинград, 10-я линия Васильевского острова

Ночью прошёл дождь и деревья оголились ещё больше, сдаваясь перед холодом-насильником. Студёная свинцовая вода в каналах качала жёлтые листья – лоскутья древесных нарядов, – а они всё падали и падали, трепетно кружась в танце увядания… Классика!

Шины легковушек катились по асфальту с мокрым липким шелестом, изредка плеща в мелких лужицах, отражавших непроглядно-серое небо. Солнце будто растворилось в нависшей хмари, вяло сея тусклый свет, зато и обычная влажная дымка не размывала виды плывучей акварелью – чётко очерченные объёмы Исаакия хмуро громоздились за Невою. Разве что погода отказывала куполу собора и шпилю Адмиралтейства в яром золотом блеске.

Я зябко поёжился, глядя в окно – гулять точно не тянуло, хотя растянутая ленинградская осень мне по душе. Задумчивое время года…

В вестибюле Матмеха гуляла пустота – долгожданный обед призвал голодных к вилкам и ложкам. С верхних этажей ни звука не слетало, лишь от столовой наплывал прерывистый шум. И запах…

На него-то я и шёл. Разварено-мучной запах макарон, перебиваемый сочными нотками гуляша, доносился властно и неоспоримо, как приговор к удовольствию. Капустно-свекольное благоухание борща накатывало с добродушной агрессией, а поверху растекался сытный аромат свежего хлеба – маслянисто-поджаристый шлейф хрусткой корочки смешивался с солодовой кислинкой мякиша…

Я прибавил шагу, минуя кафедру теоретической механики, и резво зашёл в столовку. Очереди почти не было. Я занял за Севой Котоминым с нашего курса – он воровато закапывал котлету в пюре, желая сэкономить шестнадцать копеек.

«Кот» получал стипендию – ровно сорок рублей. Бедно, скудно, но на жизнь хватало.

А хватит ли этой суммы прописью, чтобы с девушкой в кино сходить? А в «Лягушатнике» или в «Сугробе» мороженым угоститься? Ответ отрицательный…

Правда, раздатчицы женщинами были жалостливыми, могли юношей бледных со взором горящим и бесплатно подкормить – тарелкой каши или вермишели.

«Всё-таки, стройотряд будет самым добрым решением, – подумал я, вспоминая Горбовского и косясь на суетливые Севкины манипуляции. – Если, конечно, головастые «первокуры» готовы податься в рукастых…»

Дзинь… Доставка. Качнувшись, я ухватился за никелированные трубки, по которым рывками громыхали подносы, и послал успокаивающую улыбку озабоченной поварихе. Видать, побледнел, как рекомый юноша.

Мои извилины до того привыкли к брейнсёрфингу, что порой связывались с будущим без моего участия, на услужливом рефлексе.

Ага… Летом восьмидесятого бойцы матмеховского ССО «Антарес» будут вкалывать в Рощино – за сущие копейки, зато огребут кучу неприятностей от проверяльщиков из Выборга и Питера.

«Не-ет, так дело не пойдёт…»

Я покусал губу, соображая. Надо будет передислоцировать стройотрядовцев в более хлебное место. В Коми АССР, хотя бы, в посёлок Мандач, или на Пинегу. Там справному бойцу «Антареса» рублей пятьсот-шестьсот начислят точно! И тогда товарищу Котомину не придётся котлеты погребать, а девчонку можно будет сводить не только в кино, но и в ресторан.

«Нечего, нечего… – тут же заворчала моя химерическая натура. – Первым делом самолёты!»

Я честно взял полсупа, картошку с биточками и чай. Сорок копеек. И всё натуральное – никаких стабилизаторов, ароматизаторов да прочих «ешек». Не причастились ещё благ цивилизации.

«А вариант со стройкой в Коми надо обдумать, как следует…»

– Приве-ет! – за мой столик уселась Яся, сияя, как чемпионка с пьедестала почёта. – А я тебе вкусняшек принесла! – Она гордо выложила хрустящий бумажный пакет.

– Ух, ты! – простодушно обрадовался я. – Пирожочки!

– Эчпочмаки! – поправила подружка со значением, и защебетала, выкладывая последние известия: – Мама сегодня прилетела, решила не трястись сутки на поезде. Ну, и правильно. А пекла тёть Алина! Они с мамой близняшки, как Зита и Гита – и родились в один день, и в садик один ходили, и в одном классе учились. Только маманьку к духовке лучше вовсе не подпускать, а тётя Аля такие пироги печёт, что просто закачаешься! А ещё говорят, что у близнецов похожие склонности! Ага, так я и поверила…

Некая мысль вырвалась из потока моего сознания, сверкнула, как рыбка чешуёй, и пропала. Тщетно пытаясь словить ускользнувшую думку, я вытащил треугольный эчпочмак и хорошенько откусил.

– М-м-м… С баранинкой?

– И с картошечкой! Кушай, кушай… – скользнув глазами по соседнему столику, где поглощал свою порцию тощий, длинный как жердь Котомин, Яся окликнула его: – Сева, угощайся! – и протянула аппетитный треугольничек.

«Кот» хищным движением выхватил гостинец.

– Спасибки!

– Прикормишь, – фыркнул я, – совсем ручным станет!

Девушка сладко улыбнулась, с мимолётной лаской пройдясь пальцами по моей руке.

– Дюш… – заговорила она вполголоса, косясь по сторонам. – Мне не хочется, чтобы ты тяготился тем, что вот, я раскрыла твою тайну… Честное слово, когда я перебирала факты – и так, и этак их складывала, анализировала – то вовсе не для того, чтобы любопытство тешить или, там, гордиться: ах, какая я умная! – Яся выдержала недолгую паузу, розовея, и выпалила: – Давай, я тебе помогать буду! Можешь даже не выдавать своих планов, просто говори, что надо делать, и я сделаю. Правда!

Я молча раскрыл пятерню. Узкая девичья ладошка легла на неё, и мои пальцы сжались.

– Спасибо, Ясь, – вымолвил я. – Да какие планы… Партия родная меня раскручивает, на пару с комсомолом, вот и хорошо, согласный я... Ну, и сам начинаю потихоньку проталкивать уже собственные идеи. Так ведь один человек ни черта не стоит! Нужно, чтобы вокруг меня кристаллизовалась некая… м-м… ну, структура, что ли, из активных комсомольцев – таких, знаешь, кто искренне верит в социализм и СССР! А пока…

– Дюш, прости, что перебиваю, но ты не совсем прав, – тихо сказала девушка. – Таких, активных и верящих, полно. И структура уже кристаллизуется – военно-патриотические клубы, поисковое движение! Забыл?

– Помню, – мягко улыбнулся я, и повёл недоеденным эчпочмаком. – Ясь… Поисковые экспедиции как бы обязательная программа для клуба, только этого мало. А в походы ходить – плохо разве? Технику выживания осваивать? Или учиться водить машину? Палить по мишеням на стрельбище, прыгать с парашютом, заниматься самбо и дзю-до? Ну да, похоже на ДОСААФ, только простого содействия армии, авиации и флоту явно недостаточно. Раз уж наш клуб военно-патриотический, то мы должны родину не только любить, но и уметь её защищать! – Я подумал. – Хочу поговорить с Бубликовым… Ты его не знаешь, он на Сестрорецком заводе работает, помогал мне с «Алыми парусами». Парень, вроде, толковый – и в оружейном деле смыслит. Надо бы посидеть с ним, покумекать над маркером. Это такое пневматическое ружье, только стреляет не пульками, а шариками с краской.

– Слушай… Здорово! – оживилась Яся. – Можно тогда настоящую «Зарницу» устроить. Чтобы не понарошку, а почти взаправду!

– Можно и «Зарницу», – спокойно согласился я, – а можно и тактические учения. Уличные бои, например. Захват и удержание плацдарма. Поиск и окружение группы – с отвлекающим манёвром и фланговым обходом…

Девушка посерьёзнела.

– Ах, вон оно что… Я помню, как ты рассказывал. Про Чечню, про Карабах… Думаешь, может начаться ещё одна Гражданская?

– Думаю, Ясь… – длинно вздохнул я. – Ну, война – это вряд ли, хотя… Кто её знает? В прошлом моем будущем – вот же ж, оборотец! – ну, ты поняла (девушка серьёзно кивнула). Тогда народ позволил кучке лишенцев не только власть «прихватизировать», но и экономику. А когда люди вникли в замысел «контры», было уже поздно. Наверх, азартно толкаясь, прорвалась целая толпа «врагов народа»! Зато мирно, без крови… Ну, если не считать четырёх

миллионов душ, сгинувших на войнушках, в этнических чистках, померших от унижения и отчаяния. Знать бы, как сейчас выйдет… Громыко всё правильно делает – очень постепенно, но последовательно. Так ему уже мешают! От тихого саботажа переходят к откровенному вредительству, как в тридцать седьмом! Помнишь историю с Немецкой автономной областью?

Ясмина покивала, кривя губы.

– По телику почти ничего не передавали, но я слушала «Би-Би-Си». Что-то там такое было… Про «рост национального самосознания казахов», «массовые демонстрации против имперской политики Москвы»…

– Враньё! – резко сказал я. – Это сам Кунаев народ взбаламутил! А уж массовку собрать… Сунул каждому по сто рублей, вот тебе и «волеизъявление угнетённого народа»! Если бы Москва уступила, то все эти царьки, князьки и ханы мигом бы раздули «национальную идею»! Заболботали бы о выходе из СССР, о «самостийности та незалежности». Запад, конечно же, дружно поддержал бы «борцов за свободу» – и прощай, «союз нерушимый»!

– Москва же отреагировала жёстко… – вымолвила Яся, соображая.

– Да, – согласился я, – но это не укрепило Союз, лишь отдалило его распад. Вожди «братских республик» плевать хотели на дружбу народов, братство, единство и прочие «расплывчатые понятия». Пускай двумя-тремя годами позже, но они всё равно разыграют карту национализма – это же их главный козырь! На Украине, в Прибалтике, на Кавказе, в Средней Азии – везде, даже в автономиях! Нужно срочно отменять границы по национальному признаку, и, вроде как, варианты обсуждались на уровне ЦК… – Я отвлёкся, вспоминая. – А, тебя сегодня ж не было… Нам препод по истории КПСС всю пару толковал о реформе территориального устройства. Ну, я так понял, что пока на Старой площади разброд полнейший! Одни предлагают вернуться к идее автономизации, предложенной Иосифом Виссарионовичем, но отвергнутой Владимиром Ильичом. Другие, с подачи Бовина, выступают за вариант попроще – упразднim-де все союзные республики, а края и области нарежем так, чтобы они были бездотационными. С учётом исторических аспектов, разумеется. Плюс пять «вольных городов». Самый продуманный вариант, пожалуй, у Андропова и академика Велихова – они рассматривают проект перекройки страны на сорок один округ или штат. – Выдержав паузу, я договорил: – А ты представляешь, какие беспорядки эта реформа спровоцирует? В любом случае, при любом раскладе нацэлиты пойдут ва-банк! Следовательно, волнения и погромы гарантированы.

– Ты меня напугал, – надула губки девушка. – Но… Но есть же милиция! Армия, наконец!

– А на чьей стороне окажутся военные? – недобро усмехнулся я, и вздохнул. – Ясь, не слушай меня! Может, зря только нагнетаю, и нас ожидают мир и благоволение во человецех. Но, согласись, готовиться к худшему – это умней. Как выражаются товарищи чекисты – лучше перебдеть, чем недобдеть!

– Я согласна, Дюш, – твёрдо сказала боевая подруга. – Хочешь, я сама поговорю с этим… с Бубликовым?

– Обойдётся, – улыбнулся я. Помолчав, я поднял палец вверх. – О! Ты как-то вспоминала про знакомую с химфака…

– А, ну да! Софа Мазовер. А что?

– Да мне всё этот маркер покоя не даёт… Вернее, боеприпас к нему. Это шарики – вот такие, – я разжал большой и указательный, – чуть более семнадцати миллиметров в поперечнике. Они с желатиновой оболочкой, а внутри – пищевой краситель. Лучше смешать его с полиэтиленгликолем, чтобы не растекался. Или с глицерином. В принципе, можно поэкспериментировать в нашем клубе! Две пачки желатина на четыре литра воды. Варим – и разливаем в маленькие круглые формочки. Потом втыкаем в желатиновый шарик шприц с тонкой иглой и накачиваем воздухом до нужного размера. Только-только затвердеет оболочка – тем же манером наполняем её краской. Да, а чтобы шарики не расползались перед сушкой, их надо окунуть

в формалин – воняет страшно! – или в четырёхпроцентный водный раствор хромовых квасцов. Окунуть, подержать минуту, стряхнуть. Тогда желатин снаружи задубеет и будет лучше форму держать. Ну, рецепты, конечно, топорные, да и работёнка та ещё – нудная, ручная...

– Ничего не нудная, – воспротивилась Ясмина, и отчеканила: –Боеприпасы я беру на себя! Мы с Софой займёмся, у неё дома целая лаборатория.

– Надёжный тыл превыше всего! – заворковал я бархатисто, с удовольствием наблюдая, как в глазах напротив разгорается жаркий блеск.

Нашей захватывающей игре в гляделки помешала дружная компания астрономов, окружившая профессора Шаронова по прозвищу «Альмукантарат»[5] – за сферичность фигуры. Звездочёты с подносами галдели на все голоса, поминая Фаэтон и Немезиду, а профессор стойко защищал научный метод.

Неожиданно долговязый лохматый астроном, стоявший с краю, пригляделся ко мне – и зашагал с грацией циркуля.

– Соколов? – осклабился он щербато, и протянул здоровенную лапищу, поглядывая на Ясю. – Здорово! Я, вообще-то, Базилио… э-э… Василий. Ты в баскетбол… как?

Я пожал ручищу, и со вздохом признался:

– Никак.

– Да? Жаль, жаль... – Похоже, Базилио расстроился не сильно. – Я, вообще-то, капитан, а у меня в команде третьего номера не хватает… Ну, и ладно. Я, вообще-то, от имени и по поручению. Тебя в Большом комитете ждут! Я где-то с полчаса назад туда заходил, мячи выбивал. Просили передать, если увижу! Ну, давай…

Баскетболист удалился, а я встал, выуживая из пакета последний эчпочмак.

– Проводить тебя? – улыбнулась Ясмина, глядя снизу вверх.

– Не надо, – мой вздох вышел очень мужественным. – Я сам.

– Тогда наклонись…

Я нагнулся, и девичьи губы припали к моим на долгую-долгую секунду.

Тот же день, позже
Ленинград, Университетская набережная

Погода понемногу портилась – слабенькая морось колола лицо холодными иголочками, кропила город небесной влагой, туманя дали. Да мне, честно говоря, и не хотелось всматриваться в белёсую муть. Быстренько добравшись до Ректорского флигеля, я юркнул за двери, где было сухо – и тихо. Лишь со второго этажа наплывал металлический стрёкот пишущей машинки.

Куртку долой… Свернув её кожей внутрь, ухватил под руку, и направил стопы в «Большой», то бишь университетский комитет комсомола.

Скоро в секретари должен выйти Бастрыкин, а пока неуёмную комсомольскую энергию направлял в мирное русло Дубов, выпускник истфака.

Дверь кабинета стояла приоткрытой – и ни звука. Уже готовясь обнаружить удручающую пустоту и безлюдье, я заглянул внутрь. Секретарь комитета ВЛКСМ, однако, не покидал свой пост – сидел за столом, горбясь над бумагами.

– Игорь Васильевич? – церемонно ввалился я. – Здрасьте!

– Андрей Владимирович! – мигом оживился Дубов, охотно захлопывая папку.

– Просто Андрей.

– Просто Игорь! Проходите, присаживайтесь…

Мы пожали друг другу руки, и уселись, разделенные столом.

[5] В астрономии – окружность на небесной сфере, «круг равных высот».

– Признаться, Андрей, у меня были на вас грандиозные планы, – сказал секретарь, благодушествуя. – Человеку, доказавшему теорему Ферма, самое место в комитете комсомола Матмеха! Так я думал, по крайней мере. Предполагал, рассчитывал… Пока мне не позвонили из обкома партии! Варвара Ивановна убедительно просила не выдвигать вас в комсорги факультета… Нет-нет, – заторопился он, – дело вовсе не в том, что ваша кандидатура не по душе партийцам. Как я понял товарища Таневу, у неё есть для вас иное предложение. Она просила ей позвонить… – Дубов виновато развел руками. – Сам хотел зайти на Матмех, да тут Бориска объявился… Ну, что? Звоним?

– Если вам нетрудно, – тонко улыбнулся я, гадая, что на уме у «товарища Таневой».

– Да кого там… – затейливо отговорился комсорг, бодро накручивая телефонный диск. Набрав номер, он терпеливо выждал, поправляя очки, и встрепенулся: – Алло? Варвара Ивановна? Это Дубов… Да-да, он здесь! Передать? Держи.

Я принял трубку с лёгким замиранием, не зная, чего ожидать.

– Алё?

– Привет, Андрей! – послышался знакомый голос. – Слушай… А ты можешь подойти в Смольный? Чтобы не по телефону? Ну, если сегодня никак, то завтра…

– Да я сейчас приеду!

– Да? – обрадовалась трубка. – Ну, и отлично. Тогда я заказываю пропуск!

Тот же день, позже
Ленинград, Смольный проезд

Именно посередине осени Смольный выглядел, как в дни Великого Октября, а красный флаг, полощущийся на фоне пасмурного неба, будто свидетельствовал достоверность воображённого реала. Еще бы пару часовых выставить – шинели в пол, папахи набекрень, винтовки в мозолистых руках…

По длиннущему коридору гуляло эхо голосов, а вот шаги гасились «кремлёвскими» дорожками. Я свернул в закуток к знакомому кабинету – приёмной для Таневой не полагалось, статусом не вышла. Вежливо постучав, переступил порог.

Хозяйка кабинета глянула исподлобья на посетителя – знакомый ракурс будущих фотосессий! – и сразу заулыбалась.

– Здравствуй, Андрей! Проходи!

– Здравствуй, Варвара, – отзеркалил я улыбку. – Как жизнь?

– Да нормально. С уверенностью смотрю в будущее! – Рассмеявшись, Танева покинула кресло и прошлась по скрипучему паркету. – Разомнусь хоть…

Светлый пиджачок, строгая юбка, «лодочки» на скромном каблучке. Дресс-код. Но было заметно, что официальный костюм сковывал Варвару – в потёртых джинсах и безразмерном свитерке она чувствовала бы себя гораздо комфортнее.

– Знаешь, Андрей, – задумчиво проговорила Танева, складывая руки на груди, – летом я почти не верила, что у тебя получится с «Алыми парусами»…

– Да я и сам не верил!

– Но ты всё-таки добился своего, – с чувством сказала Варвара Ивановна. – Я так радовалась тогда! Ведь ты, по сути, держал очень сложный экзамен – и сдал его на «пять с плюсом». А это было важно, ты даже не представляешь, до какой степени! Григорий Васильевич периодически спрашивает о тебе, я докладываю, а позавчера он лично зашёл – просил, чтобы ты готовил доклад к областной конференции ВЛКСМ…

– О, как! – мои брови изумлённо вздёрнулись.

– Вот так! – горделиво улыбнулась Танева, и построжела. – Конференция назначена на восемнадцатое января, так что время есть. Доклад должен быть чётким и по делу – расска-

жешь, с чего началось поисковое движение, что успели сделать за два года. И… Да, возьмёшь у меня информацию по Союзу – сколько уже действует военно-патриотических клубов, каков охват… Наметишь планы, затронешь перспективы, обозначишь проблемы… Только смотри, если уж соберёшься говорить про трудности, тут же предлагай решения! И… Да, надо, чтобы все «ветераны» поискового отряда обязательно присутствовали! Товарищ Романов это обговорил особо. Так что… Вот тебе лист бумаги – запиши фамилию, имя, отчество каждого и каждой – их всех изберут делегатами.

– Эт-то здорово… – негромко проговорил я, щелкнув толстой шариковой ручкой на четыре цвета. – Только… Ну, вот, Наташа Кузенкова переехала в Мурманск… Хотя сейчас она в Кировске, вроде… Учится в медучилище на фельдшера. А Тома Афанасьева – в Москве.

– Ничего страшного! – Варвара небрежно дунула вверх свалившуюся на глаз прядь каштановых волос. – Пригласим! Проезд оплатим, гостиницу организуем.

– Ну, тогда…

Стараясь писать разборчиво, я настрочил:

Наталья Александровна Кузенкова (медучилище в Кировске)
Алёна Игоревна Вишневская (консерватория)
Тамара Николаевна Афанасьева (МГУ, Истфак)
Тамара Эрнестовна Гессау-Эберляйн (10-й «б», сш № 272)

Уголки моих губ приподнялись. Фамилия Томочки звучала пышно, как у остзейского барона, но люди знающие непременно улыбались, слыша её. «Эберляйн» можно было перетолмачить, как «кабанчик»…

Ясмина Рамиловна Акчурина (ЛГУ, Матмех)
Семён Натанович Резник (ЛЭИС им. Бонч-Бруевича)
Павел Андреевич Андреев («Кировский завод»)
Ирина Николаевна Родина (Мухинское училище)
Ирина Дмитриевна Клюева (1-й ЛМИ им. Павлова)
Армен Тельманович Акопян (1-й ЛМИ им. Павлова)
Светлана Фёдоровна Зорько (ЛГПИ им. Герцена)

Одноклассники… Одноклассницы… За две поисковые экспедиции мы узнали друг друга лучше, чем за десять лет школы.

– Да все, вроде… – забормотал я, проглядывая список, и протянул его Таневой.

– Угум-с, – отпустила Танева, челноча глазами по строчкам. – А я всё думаю, где же я слышала эту фамилию… Громкая такая, звонкая… Гессау-Эберляйн! А Вернер Эберляйн из ЦК СЕПГ, кем Томе приходится?

– Это её дед, – улыбнулся я.

– Правда?! – непритворно изумилась Варвара. – Это надо же, а? И… Да, Андрей, будь морально готов к тому, что по итогам конференции ты станешь членом бюро обкома комсомола. – Оставив официальный тон, она улыбнулась и подмигнула: – Самым молодым за послевоенную историю!

Глава 4.

Пятница, 5 октября. Утро
Москва, Старая площадь

Андропов достал заветный графинчик и плеснул в стакан. Налитое цветом напоминало бледный зелёный чай – это сибиряки расстарались, доставили с оказией целебный настой алтайских трав. Не сказать, что вкусно, но полезно.

Вздохнув, Юрий Владимирович выцедил питьё. Японские нефропротекторы помогают, вроде, но и от народных средств отказываться негоже.

Или зря он выпытывал у «Объекта-14», сколько ему осталось? Узнать жестокую правду было очень неприятно! Но ведь и робкая надежда затеплилась…

«Умники из Снежинска обещают, что отечественные аналоги даже превзойдут самурайское зелье, – Андропов кривовато усмехнулся, отставляя гранёный стакан. – Ну-ну…»

Проверим лет через пять-шесть. Ежели выживет, значит, точно превзошли…

Тяжеловато поднявшись, он обошёл стол, уставленный телефонами, заваленный бумагами, задорно мигающий огоньками селектора.

«Ноги поднимай! – поморщился Ю Вэ на внезапной волне раздражения. – Тебе всего шестьдесят пять!»

Шарканье представлялось ему признаком срамной старческой немощи, а потому бесило. Или то был лютый страх приближения к роковому числу – тому самому, что чеканят на могильной плите через дефис за датой рождения? А в зарубке дефиса – вся жизнь…

Андропов тряхнул кистью, как будто устало соглашаясь. Завелась у него такая привычка – рассеянно отмахиваться от негатива, от подступающей черноты.

«Все мы внезапно смертны…» – смиряясь, но не позволяя слабой натуре уйти в минор, Юрий Владимирович приблизился к окну.

Ещё летом он ловил себя на том, что скучает по своему старому «чекистскому» кабинету. Ему стало не хватать завораживающего кружения машин по площади, и Железного Феликса, что стягивал окрестное пространство на себя.

Андропов усмехнулся. Пятница сегодня… Будь он, как и прежде, в кагэбэшных чинах, то и вовсе уехал бы «в лес», в Ясенево. Вот, где ему всегда хорошо работалось – в стенах белой «книжки» ПГУ!

А рощи, поля и перелески за окном тамошнего кабинета настроят лучше всяких муз… Тихая, лиричная прелесть!

Глядишь, как золотится, как трепещет поредевшая листва на берёзках да осинках, как упрямо зеленеют сумрачно нахохлившиеся ёлки – и словно молодеешь душой, а мысли отстаиваются, будто вода в лесном озере – вся муть оседает на дно…

Ю Вэ насмешливо фыркнул, разрушая мимолётный образ.

«На даче молодеть будешь!» – подумал он, прислушиваясь.

Из приёмной доносился неразборчивый говор.

«Явились… – мелькнула ворчливая мысль. – Пожаловали…»

Дверь клацнула, впуская Василя, не столь давно обмывшего майорские погоны.

– Товарищи Иванов и Минцев, – прошелестел голос порученца.

– Давай их сюда, – буркнул хозяин кабинета. – И сообрази что-нибудь к чаю… Умгу?

Генерал-лейтенант Иванов числился начальником отдела «Ф» управления «С», а по сути, руководил личной разведкой Андропова. Борису можно было доверять, такой не сдаст.

Вот только должность председателя КГБ осталась ступенькой ниже, а «персональная спецслужба» по-прежнему работает на него – с молчаливого одобрения Громыко.

«Объект-14 контактировал лично с вами, – сухо заметил Андрей Андреевич на днях, – вот и продолжайте в том же духе. – И усмехнулся, кривя уголок губ: – Считайте это общественным поручением!»

Дверь отворилась шире, и порог переступил плотный, кряжистый Иванов. Умнейший человек, блестящий тактик, он выглядел именно тем, кем был с ранней молодости – человеком

от сохи, крепко стоящим на родной земле. И даже строгий костюм, пошитый в ателье ЦК КПСС, не сидел на нём, а, скорее, висел. Борис был рождён для шинели.

А вот юркий, чернявый Минцев, шагнувший следом, как-то незаметно, мимоходом, обрёл лоск «адъютанта его превосходительства».

– Здравия желаю, Юрий Владимирович! – улыбнулся он по-светски, но с той потаённой ухмылочкой, которую человек нервный вполне мог бы счесть издёвкой.

– Ох, Гоша… – покачал Андропов головою. – Допроситесь вы у меня! Проходите.

Василь был невидим и бесшумен – тенью скользнув за спинами приглашённых, он выставил поднос на длинный стол, и молча удалился.

– Да вы присаживайтесь, присаживайтесь. Угощайтесь, – повёл рукою Ю Вэ. – А я с утра насиделся – пройдусь как бы…

Жора живо уселся и опорожнил чрево электросамовара ровно на полчашки. Зато из чайничка долил столько заварки, что янтарный напиток загустел до чернильного оттенка.

– Э! Э… – заволновался генлейт. – Оставь немного старшим по званию!

– Я по чуть-чуть, – оправдался подполковник, выхватывая из вазочки пару сушек, блестящих, будто лакированных.

Тускло улыбаясь, хозяин кабинета прошёл на своё законное место.

– Не жадничай, Борь, всем хватит, – проговорил он, устраиваясь поудобней. – Ну-с… Насколько я понимаю, никаких подвижек в деле «Сенатора» не наблюдается…

Посопев, Иванов вымолвил:

– Никаких, Юр… Юрий Владимирович. Ни писем, ни закладок…

– Ни звонков, – подхватил Жора.

Андропов сложил ладони перед лицом и глубоко задумался. Потом вскинул на Минцева сузившиеся глаза.

– В последнем… или в предпоследнем письме была информация о том самолёте… О ЧП с «Пахтакором».

Сушки отчётливо хрустнули.

– Так точно, Юрий Владимирович, – лицо подполковника обрело строгость. – Мы проверяли. Два «Ту-134» – из Ташкента и Кишинёва – действительно могли столкнуться в небе над Днепродзержинском. А вся вина – на авиадиспетчерах! Один – молодой, неопытный, а его наставник вместо того, чтобы давать чёткие, ясные команды, нёс всякую отсебятину – летуны просто не понимали, чего от них хотят! Там ещё третий борт был, «Ил-62», так и его первый пилот переспрашивал постоянно! Короче, мы обоих диспетчеров взгрели, но потом. И начальнику смены досталось, чтобы не ставил новичка на сложнейший сектор! А в «день Д» дежурили другие спецы. И разошлись самолеты, как в море корабли! Кстати, тогда «Пахтакор» проиграл минскому «Динамо»…

– Зато живые все, – буркнул Иванов, поправляя очки.

– Да, товарищи… – задумчиво проговорил Андропов. – Сколько уже людей спасено, и наших, и не наших… – взгляд его стал испытующим. – Что, Боря, не согласен?

– Да нет, почему? – Борис Семенович решительно налил себе чаю, ворча: – Пока некоторые любители чифиря всю заварку не выдули… Я согласен, Юр, просто действительность уж больно… м-м… эластична, что ли. Не затеяли мы войну в Афганистане – и правильно сделали. Так нам Польша дала жизни!

– Позволю с вами не согласиться, товарищ генерал-лейтенант, – чопорно сказал Минцев. – Потери в ПНР исчисляются сотнями душ, и, в основном-то, гибли сами пшеки – уж простите за слабые интернациональные позывы. А вот в Афгане мы бы потеряли тысячи! Причем, наших парней.

– Уел, – насмешливо фыркнул Иванов, отхлебнув из чашки и почмокав, словно ловя послевкусие. – В августе летал в командировку. В Кабуле отметился, в Герате и Кандагаре.

Наших там уважают, называют «шурави». И военных, и геологов… Только неспокойно в Афгане. Моджахеды шалят… Да те же басмачи! Мутят воду. Так что… Бодание продолжается. Наши серьезно усилили части мусульманского батальона и группу военных советников, шлют новые подготовленные группы спецназа. Фалин направляет «Зенит» и «Каскад», а Щёлоков – «Кобальт».

– В МВД впечатлились успехами польской ЗОМО, – тонко улыбнулся Андропов, – перенимают опыт, готовятся по-своему к Олимпиаде… – он покрутил большими пальцами. – Да, чуть не забыл! Информацию насчёт четвертого ноября, о боестолкновении у посольства в Тегеране, штатовцам передали?

– Ещё в сентябре, по своим каналам, – степенно заверил его Борис Семёнович, шумно отхлёбывая из чашки. – И, похоже, что аятолла Хомейни действительно готовит провокацию. По всему Ирану идут многомиллионные демонстрации – требуют выдать шаха, – а власти мешают отъезду посольских… Кроме негров, почему-то.

Озабоченные морщины, взбороздившие было лоб Андропова, разгладились.

– Ладно. Вернемся к «Сенатору». – Успокоившись, Ю Вэ начал мерно излагать: – В письме – уже точно в последнем – предиктор утверждает, что его знание будущего якобы становится неактуальным, поскольку изменяется реальность. Проверить это утверждение мы не в состоянии, но логика подсказывает, что оно верно. Ладно, допустим. Но ведь не всё течёт, не всё изменяется! Те же неурожаи обусловлены, как правило, климатом, воздействовать на который пока не может никто. Я уж не говорю о землетрясениях, извержениях и прочих бедствиях. Да и о тех событиях, на которые люди способны хоть как-то повлиять, «Сенатор» тоже мог бы сообщать! Пусть даже с оговорками типа «предположительно», «приблизительно», «с определенной долей вероятности»… Но он этого не делает! Почему?

Подполковник глянул на генлейта. Тот молчал, задумчиво покачивая чашку с недопитым чаем.

– Думаю, он испугался раскрытия, – громко сказал Жора. – Или ему просто надоело бояться!

– Или истёк срок пребывания, – хмыкнул Иванов.

– Тоже вариант! – энергично кивнул Минцев.

– Жора, – блеснул на него очками Андропов, – вы сузили круг местожительства «Сенатора» до Ленинского района в Ленинграде, и масса фактов подтверждает, что он находился именно там… Или, быть может, и сейчас там проживает?

Гоша хотел было ответить, но Ю Вэ поднял руку, тормозя подполковника.

– Нет-нет, вопрос чисто риторический! – Размашисто хлопнув ладонью по столу, Андропов поднял указательный палец. – Скажите лучше… Случайно ли, что и мы, и американцы вышли на одного и того же человека, на одного и того же подростка?

Минцев длинно вздохнул, откидываясь на спинку стула.

– Если уж разбираться, Юрий Владимирович, – заговорил он глуховатым голосом, – то первыми на Андрея Соколова вышли как раз американцы. И потому лишь, что «Сенатор» сам активно повёл свою игру. Анекдот, конечно, но цэрэушники успели заметить лишь ухо Андрея, и вот на этом-то, весьма зыбком доказательстве строили всю свою оперативную разработку! Но кого именно видела единственная свидетельница – Синтиция Фолк – в Таврическом саду? Безусловно, Соколова! Кстати, Синти в приватной беседе рассказала, что именно передал Андрей… Якобы передал! Это были плёнки с переснятыми записями о торговцах наркотиками, спрятанными в коробочку от диафильма. Но! Там по аллеям гуляли и бегали трусцой десятки людей! Почему же Фолк вцепилась именно в Соколова? А потому что именно его она видела последним перед самим изъятием! Но это же не доказывает, что Андрей – это и есть «Сенатор»! Или «Слон». Потом и мы вроде бы убедились, что действует именно подросток –

ещё в ходе провальной засады у почтового ящика, или после передачи информации итальянцам…

– Жора… – негромко вымолвил Андропов. – А как это понимать: «вроде бы убедились»? Вы сомневаетесь в наших выводах?

Подполковник слегка нахмурился, и дерзко вытолкнул:

– Сомневаюсь, Юрий Владимирович.

– Ох, и нагле-ец… – заерзал Иванов.

– Юрий Владимирович! – Минцев слегка повысил голос. – Да, мы убедились, что действует именно подросток. И мы, и они! Сей отрок составляет грамотные, умело структурированные послания, причем женским почерком! Стреляет из лука на уровне мастера спорта. Владеет китайским и фарси. Профессионально фотографирует, уходит от наружки и совершает иные подвиги. Вы сами-то верите, что такой вундеркинд… или супермен существует в природе? Возможно, что я просто недалёкий человек, но в мою картину мира данный монстр никак не вписывается! Не втискивается! – Он выдохнул. – Ну-у… ладно. Я кое-как убедил себя, что «Сенатор» – это не группа, а всего лишь пара. Идеальное сочетание – отец и сын. Андрей – связной, а его родитель и есть искомый предиктор. Замечательная схема, но она не работает! Иначе как подполковник Соколов угодил в плен к бойцам ПОЛИСАРИО? Он что, не знал, что с ним случится? Но тогда какой из него предиктор? По другой версии, «Объект-14» прибыл к нам из будущего. Хорошо! Но в этом случае Соколов-старший тем более должен был помнить, что произойдет в Марокко – и сделать всё, лишь бы избежать похищения!

– Короче, Склифосовский, – пробурчал Иванов.

Жора возбуждённо заелозил.

– Подполковник Соколов – обычный военврач, приличный специалист, профессионал, но ко всем этим странным чудесам с «послезнанием» не имеет никакого отношения! Точно так же, как и его сын! Да, Андрей выбился в знаменитости, но он же не по щучьему велению доказал теорему Ферма, а минимум два года шёл к этому, рос, так сказать, над собой! Грыз математику! И… – подполковник неожиданно заулыбался. – Знаете, когда меня осенило? Этим летом, в Риге. Примчался туда, уже подстреленный, злой. Ведь Андрея не сволокли на Запад только потому, что одна команда похитителей помешала другой! Чарли Беквит силой отнял у «моссадовцев» схваченного Соколова – и передал нашим. Не знаю уж почему. То ли чувство справедливости взыграло, то ли израильская яхта помешала… Ну, не важно! Просто я тогда сидел в штабе, голодный, рана ноет, а в голове какая-то, знаете, кристальная ясность! Что ж такое, соображаю – и ЦРУ нацелилось на Андрея, и КГБ, а теперь еще и «Моссад»? И я впервые попытался глянуть на проблему не изнутри, а как бы со стороны. И подумал: «А если «Сенатор» специально подставляет Соколовых? Если он их просто использует втёмную, особенно младшего, чтобы прикрыться ими, отвести подозрения от себя?»

– Не хреново девки пляшут… – начал Иванов поражённо, но не закончил свою любимую присказку. – Погоди… Но как?!

Минцев расплылся в улыбке и повёл руками, делая широкий жест:

– А вот, не знаю! Не имею ни малейшего понятия! Может, этот «Сенатор» как Вольф Мессинг, что угодно внушит любому!

Андропов с силой хлопнул обеими ладонями по столу и глубоко задумался.

– Интере-есная версия… – выговорил он. – Хм… Куда она нас выведет – или заведёт! – не знаю, но… Вот что. Надо заняться тем, что… Да просто внимательно оглядеться по сторонам! Вот Жора упомянул засаду у гастронома на Ленинском проспекте… А давайте вспомним, кто тогда присутствовал на операции? Не было ли рядом чужих? Не происходило ли что-то… м-м… странное, непонятное! Понимаю, что два года минуло, но попробовать-то можно? И по стрелку в Дурасовском переулке поработать, и по «Васе Крюкову». Вполне может статься, что мы кого-то упустили из виду, кого-то очень и очень важного… Задача ясна?

– Никак нет! – ухмыльнулся Жора. – Разрешите выполнять?

Воскресенье, 7 октября. Позднее утро
Сестрорецк, улица Инструментальщиков

Геша Бубликов ничуть не изменился со времён «Алых парусов». Всё такой же тощий, усатый и загорелый, только теперь в комплекте с застиранными джинсами «Авис» и тельняшкой шла тёплая куртка – с залива ощутимо дуло. Хотя и с Разлива поддувало – ветра путались, сбиваясь на перешейке, заметённом дюнами, заросшем дубками, застроенном высотками и дачами.

– Тебе бы золотая серьга подошла, – ухмыльнулся я, поправляя сумку на плече и взглядывая на спутника.

– Ага! – осклабился Геша, топорща конармейские усы. – Серьга в ухо и попугай на плечо! Хех! Слушай… – он смущённо поскрёб в затылке. – Если ты ко мне, как к «адмиралу» приехал, то огорчись – «Корсар» в ремонте.

– Я приехал, как к токарю 5-го разряда. – вынув бледную миллиметровку, я с хрустом развернул лист. – Это эскиз маркера, духового ружья. Ковбои таким бычков метили – пуляли шарики с краской… – кратко расписав суть пейнтбольных радостей, я ткнул пальцем в набросок: – Сверху тут фидер, он вроде магазина. Засыпаешь в него боекомплект – желатиновые шарики диаметром семнадцать целых три десятых миллиметра – и одиночными по врагу… Вот тут, спереди, съёмный ствол.

– И как это работает? – склонил голову Бубликов, любопытным взглядом чертя по бумаге.

– Не просто, – заговорил я, концентрируясь на чёткости формулировок. – Смотри. Основной механизм – это газовый клапан, но шарик вылетает из дула на скорости девяносто метров в секунду, поэтому простым нажатием пальца ты клапан не откроешь – сил не хватит. Тут всё немножко иначе работает. Вот этим штырём в задней части маркера – видишь? – сжимаешь пружину, и она отводит ударник. Жмёшь на спусковой крючок, пружина срабатывает, ударник бьёт по клапану – и выпущенный газ тратится сразу на два усилия: во-первых, выстреливает шарик, а, во-вторых, отводит ударник, сжимая пружину, и тот фиксируется для следующего выстрела.

– Полуавтомат, – понятливо кивнул Геннадий.

– Именно. А вот это – затвор или «болт», как бы полая трубка. Он соединён с ударником и движется вместе с ним. Когда ударник зафиксирован, затвор-болт находится в крайнем заднем положении – и открывает канал, по которому в маркер попадает пейнтбольный шарик с краской. Жмёшь на спуск – освобождается ударник и, вместе с «болтом», оба движутся вперёд. «Болт» при этом толкает шарик внутрь ствола и перекрывает канал из фидера…

– Так… Понял… – затянул Бубликов. – Хм… А почему шарик между выстрелами не вываливается из ствола?

– Хороший вопрос! – улыбнулся я. – Правильный. Между выстрелами шарик удерживается фиксатором – болдетентом. Когда затвор начинает двигаться, он шариком надавливает на болдетент, тот проминается – и пускает боеприпас в ствол.

– Хитро… – Геша затеребил губу. – Стоп… – он пошарил взглядом по эскизу. – Баллон, получается, отдельно?

– Да.

– Большой?

– Ну, где-то на литр или чуть меньше. Но чтоб под двести атмосфер.

– Угу… – Бубликов задумался, озабоченно при этом помаргивая. – Нет, интересная штуковина… Я в «войнушку» сыграл бы! Ну, с тебя чертежи тогда.

– Обязательно, – кивком согласился я. – Сроки? Хотя бы примерно?

Геша взлохматил волосы, уставляя взгляд под облака.

– Ну-у… Первый экземпляр – не раньше декабря. Испытаем когда, что-то наверняка менять придется… Ну, это нормально. И сколько тебе этих… маркеров надо?

– Пятнадцать-двадцать, для начала.

– Осилим, – кивнул Геша. – Я своих охламонов привлеку. Хоть и пэтэушники, а руки у них откуда надо растут. Сделаем. Но не раньше марта.

– Понял. И… сколько? – осторожно забросил я вопрос.

– Три пригласительных на первый бой! – ухмыльнулся Бубликов. – Дешевле даже не проси!

Тот же день, позже
Ленинград, Невский проспект

Я доехал до Финляндского вокзала, там спустился в метро и вылез на «Площади Восстания».

Небо над головой привычно хмурилось, но настроение держалось приподнятым. О маркерах я больше не думал, перегрузив проблему на Гешу. Человек он надёжный, проверенный, сроки выставил реальные. «Боеприпасами» занимается Яся с незнакомой мне Софой – и тут полный порядок.

Пейнтбольные шлемы, налокотники-наколенники? Пф-ф! Да это, вообще, пустяки! Время есть, до весны точно успею. Пятнадцать… Нет, лучше двадцать комплектов. Изготовим, ничего страшного…

Я усмехнулся: мои милитаристские фантазии понемногу обрастали плотью. Добро должно быть с оружием в руках.

Вспоминая прожитые мною восьмидесятые, я прекрасно понимал, что повторения прошлого не будет. Вот, прямо сейчас, на моих глазах, происходит слом того настоящего, которое мне знакомо.

Одни люди уходят – их снимают, сажают в СИЗО, отправляют на пенсию или ссылают в Африку чрезвычайными и полномочными. Другие приходят – Андропов, Талызин, Квицинский, Канторович…

Я невольно улыбнулся, вспомнив Леонида Витальевича – вот уж кто доволен и даже счастлив, затевая «великие перемены»!

И всё равно, поджимает тревога, холодит боязнь. А выйдет ли что путное? Не оплошаем ли?

Память моя подводит всё сильнее, всё чаще не смыкаясь с реалом, и уже не получается искать опору в завтрашнем дне – будущее скрыто плотным, непроницаемым туманом, а послезавтрашние победы или горести мне не ведомы…

Задумавшись, я обнаружил, что впереди укрощают коней над Фонтанкой, и свернул на Рубинштейна – там, сразу на углу, привечала оголодавший народ сосисочная, обидно прозванная «Гастритом». Ну, и зря. Столовая, как столовая – дёшево и прилично. И вкусно.

До войны там держали кафе-автомат. Заходишь, небрежно бросаешь мелочь в монетоприёмник, и тебе – раз! – получите бутерброд с сыром. Или с колбасой.

Нынче тут живые повара, а «Гастрит» славится «фирменной» солянкой с лимончиком да сосисками с тушёной капустой.

Невольно сглотнув, я зашёл подкрепиться – сосисочки звали меня и влекли неудержимо. Натуральные! Свежие! Пахнут! Расплатившись, устроился у окна – и вкусил. Розовая сочная мякоть идеально сочлась с белокочанной вязью и ломтиком «Дарницкого».

Я усмехнулся, жуя. Юность – всего лишь продлённое детство, а какая у ребёнка, по малолетству не отягощённого духовными потребностями, высшая радость и благодать? Правильно, вкусная еда…

– Вы позволите? – дребезжащий голос опал шуршащими жёлтыми листьями.

Сухонький старичок клонился у моего столика, едва удерживая подрагивавший поднос. Лакированная, потёртая трость висела у него на запястье.

– Да, пожалуйста, – поспешно сказал я, хоть и без особой охоты. Не люблю делить стол с чужими – они мешают думать, не дают сосредоточиться, и вообще… А куда деваться?

– Благодарю… – старикашка присел напротив с порцией местной солянки.

Я присмотрелся, незаметно скашивая зрачки. Сосед кряхтел и вздыхал, как мне показалось, не в меру – вблизи он не выглядел окаменелостью. Да, волосы и бородка металлически поблёскивали проседью, но кожа узкого, подвижного лица не коробилась морщинами. И глаза живые, без потухшего, бессмысленного взгляда, свойственного старикам, запустившим разумение.

Костлявые запястья, вылезавшие из рукавов ветхого старомодного пиджака, принадлежали человеку тощему и узкоплечему, однако свитер толстой вязки компенсировал худобу.

«Интересный экземпляр…» – подумал я, накалывая вторую сосиску.

«Экземпляр» церемонно хлебал солянку, не сгибаясь простецки над тарелкой, а держа спину прямой, и неожиданно выдал с легчайшим еврейским говорком:

– Скажите, Андрей, а если бы «Моссад» не затеял ту дурацкую эксфильтрацию, а вас просто пригласили бы в Израиль… Дали бы вы свое согласие?

Хорошо хоть, откусил я маленький кусочек, а то, наверное, подавился бы. Все мои вяло текущие мысли смыло волной ледяного напряжения. Откуда «Экземпляру» известно моё имя?

Ну, имя-то ладно, мог услыхать – или узнать при встрече, персона-то моя публична. Но эксфильтрация…

– Меня так и тянет спросить: «На кого работаете?» – сухо заговорил я. – Впрочем, судя по вашей информированности… да и по обличью, вы и сами сотрудничаете с «Моссадом». Может, хотя бы представитесь?

Старик слушал меня внимательно, чуть ли не с одобрением.

– Ой-вэй, Андрюша… – с развязной непринуждённостью отмахнулся он. – Мои паспортные данные ничего вам не скажут, я всего лишь старый больной еврей. Хотя… Ладно. Только ради вашего спокойствия и пущего доверия! Зовите меня Ефимом Лейбовичем. А что касается сотрудничества… – его губы скривились в усмешке. – Все мы с кем-то сотрудничаем, Андрей, такова нынешняя жизнь. Вы сотрудничаете с КГБ и ЦРУ, я с «Моссадом»… Но разве кто-то из нас двоих предал свою Родину? Таки нет.

Помолчав, я осторожно заговорил:

– Чтобы ответить на ваш вопрос, Ефим Лейбович, мне нужно хоть что-то понимать. Когда меня вязали ребятишки из Тель-Авива, я слышал и про «Машиах», и про «Кровь Давидову»…

– О, это просто, Андрей! – с готовностью закивал мой визави. – Чекисты называют вас «Сенатор» или «Объект-14». Агенты ЦРУ почему-то окрестили «Слоном», а директор «Моссада» дал вам кодовый псевдоним «Машиах».

– «Мессия»? – сощурился я.

– Совершенно верно! Отсюда и название всей операции – «Кровь Давидова». Ибо, по писанию, Мессия – то бишь, «помазанник Божий» – потомок царя Давида.

– А директор «Моссада» не уточнял, как именно он удостоверится в моём родстве с Давидом Евсеевичем? – усмехнулся я.

Старикан молча улыбнулся, скаля крепкие белые зубы.

«Старикан ли?» – мелькнуло в голове, а вслух я сказал:

– Ни в Израиль, ни в Соединённые Штаты пока не собираюсь. – Мне удалось выдержать недолгую паузу. – Знаете, я уже столько всего понахватался, столького наслушался – и от наших, и от ваших, и от парней из Лэнгли, что некоторые вопросы… вроде заданного вами, начинают дико раздражать. Подумайте лучше, почему сотрудники трёх ведущих спецслужб мира тупо упёрлись в мальчишку из Ленинграда? Что данный факт доказывает – их тождественно равный профессионализм? Или общую, фатальную и смешную ошибку, совершённую всеми по очереди, вернее, по эстафете? Ефим Лейбови-ич! – мой голос зазвучал на самой проникновенной ноте. – Я не тот, кого вы ищете! Примите это, как данность. – Не выдержав высокого штиля, резко закончил: – И оставьте меня в покое!

Я покинул «Гастрит» и обернулся, лишь выйдя к Невскому. Ефим Лейбович неспешно удалялся в сторону Пяти углов, тяжело опираясь на трость. Двинуть следом, изображая «наружку»?

А если на то и расчёт? И не слишком старый, вполне себе здоровый еврей выведет меня к группе захвата? Спрашивается: оно мне надо?

Поискав в кармане двушку, я зашагал к ближайшему телефону-автомату – суетливая дама в пальто как раз покидала застеклённую будку. Сняв увесистую, литую трубку, я бросил две копейки и набрал номер Минцева…

Глава 5.

Среда, 10 октября. День
Ленинград, 10-я линия Васильевского острова

Перерыв на обед истекал временем, как большая перемена в школе. Я почти физически ощущал бестелесное шуршание секунд – мельчайших песчинок, что пересыпались в ужатой колбе вселенских часов.

Правда, отрешиться от земного и медитировать, внимая Великой Пустоте, не получалось – мы с Ясей дожидались звонка в правом крыле факультета, где коридоры широки, а столы велики.

На них сидели, болтая ногами, строчили конспекты или играли: в коробок (щелчком подбросишь с края стола – получишь очки или прогар, смотря какой стороной ляжет на стол), в бирюльки (из кучки спичек надо было вытаскивать по одной, чтоб другие не шелохнулись), в морской бой, в крестики-нолики, в «города»…

Но мы с Яськой следили за дружной компанией, рубившейся в «Боб-доб» – игроки дифференцировались на две команды и азартно топтались, разделённые старомодным столом на фигурных ножках, основательно покрытым тёмным матовым, местами облупившимся лаком.

У одной команды – пятак; вторая команда – отгадывающая – кричит: «Боб!» Первая отвечает: «Доб!» – и капитан, здоровенный детина в армейских штанах и в объёмном свитере крупной вязки, стукает ребром денежки по дереву. Снова: «Боб!» – «Доб!» – стук пятака. И ещё… И ещё…

И вдруг, сразу после отзыва «Доб!», отгадывающие орут: «Руки на стол!» – и на лакированную крышку грохаются пятерни всей команды, владеющей монетой. Одна из ладоней накрыла пятикопеечный кругляш. Вопрос: какая?

Мои губы поневоле растянулись в ухмылке: типичное напёрсточничество – но честное, шумное и весёлое! А у капитана, что щеголяет в «бабушкином» свитере цвета овсянки, лицо открытое, по-ребячьи пухлощёкое – и оно просто плющится от радости…

Я стоял, прислонившись к подоконнику, а бедром упираясь в массивную столешницу. Яся с детской непосредственностью уселась на стол, тискаясь ко мне тёплым боком, и моя рука бездумно легла на приятственно тонкую талию.

– Знаешь, что я вчера выяснила? – негромко сказала подруга. – Оказывается, это ещё Хрущёв задумал перенести Матмех с Васьки на Мартышкинские болота. Представляешь? Вот точно – троцкист! Враг народа!

– Минула нас чаша сия, – криво усмехнулся я, нечестивым глазом косясь на гладкие девичьи коленки.

– Просто в этом временном потоке не все дурости Хрущёва были реализованы его продолжателями в равной степени, – заговорила Яся лекторским тоном. – Физфак и Химфак переехали, как миленькие, а вот с Матмехом сработал-таки здравый смысл: вместо нас в Мартышкино отправили «приматов».[6] Стыдно, – лицемерно вздохнула она, – но я рада! А Софа-то, Софа… Стонет в голос, жалуется и причитает. Говорит, дотуда сорок пять минут пилить на электричке! А ведь надо сначала до Балтийского на метро добраться – это ещё полчаса, как минимум. Нормально?

– Идиотство, – согласился я и подозрительно глянул на девушку. – А ты это к чему?

Ясмина прыснула в ладонь, посматривая на меня смеющимися глазами.

– Нет-нет! Ты тут ни при чём, это всё Никита Сергеич! Я только суммировала доказательства того, что мы действительно плещемся в альтернативном временном потоке. Пока что, на мой взгляд, неопровержимых улик всего две – это ситуация с Варварой Таневой и авария на «Три-Майл-Айленд» – и обе ничем не связаны с твоим «попадосом», как ты выражаешься… – Она задумалась, рассеянно гладя мою руку. – Знаешь, мне сейчас в голову пришло такое, что даже страшно стало… А ведь я могла и не встретиться с тобой! Да-да! Мама же подавала документы в школу ещё в шестьдесят восьмом – мне к первому сентября исполнилось бы шесть лет и девять месяцев. Кто ж знал… Я тогда как раз простудилась сильно, долго болела, да ещё осложнение на почки. Меня сразу освободили от физры, а мама, вообще, решила «дочу» не отдавать в школу! Побоялась просто… – Она хихикнула, лукаво взглядывая на меня. – Я этим освобождением аж до восьмого класса прикрывалась, хотя весь «пиелонефрит» перешёл в «воспаление хитрости»! Лодерит у меня был, ничего страшного. Но тогда хворь мне здорово помогла – я пошла в первый класс на год позже, вместе с Томкой, с Сёмой, с тобой… – Острый Ясин локоток игриво ткнулся в мой бок. – Мальчишка! Я тебя на семь месяцев старше!

Теперь пришла моя очередь кривовато улыбаться:

– А я тебя – втрое.

Яся затихла и прижалась теснее, словно прося прощения «за недозволенные речи». Я с удовольствием притиснул Шахерезаду Рамиловну, отпуская милый грех.

Что там не говори, а девушка здорово облегчила мне жизнь. Казалось бы, впору беспокоиться и переживать, ведь и тайна личности раскрыта, и секреты моего Дела. А я испытываю восхитительное, драгоценное утешение, ибо нас стало двое!

Тут, словно иллюстрируя мой вывод, к нашему столу присоседилась парочка однокурсников – они азартно толкались, прикрывая листочки, вырванные из тетради.

– Дэ пять, – бубнил Сева Котомин.

– Мимо, – деловито сообщил Коля Явор, шмыгнув носом. – Же четыре.

– Ранен…

– Же пять! – кровожадно выпалил Явор.

– Мимо! Дэ семь!

Морской простор сотрясали гулкие взрывы, тяжко опадали пенные массы воды, вздыбленные снарядами главных калибров. Линкоры угрюмо дымили вдалеке, а крейсер под командованием адмирала Явора опасно кренился, дымясь развороченным ютом…

Унесённый воображением, я даже вздрогнул, воротясь в явь – мимо стремительно двигался Серёга Ананьевский, краса и гордость Матмеха, он же комсорг факультета. На каждом

[6] ПМ/ПУ – факультет прикладной математики/процессов управления.

шагу Ананьевский смешно подпрыгивал, словно пытаясь встать на носочки, но как будто не замечал изъяна в походке.

А вот Ясю секретарь комитета ВЛКСМ углядел мигом, и притормозил. Косясь на девушку, протянул мне вялую кисть.

– Здорово, Дюх.

– Здоров. Есть проблема, Сергей, – начал я подводить к интересующей меня теме. – И, заодно, её решение.

Сфокусировав взгляд и отведя его от Ясмины, комсорг замычал:

– М-м-м… М-м?

Девушка крепилась, чтобы не распуститься в цвету улыбки, а я весомо сказал:

– Слышал, что нашему стройотряду перепадёт работёнка в Выборгском районе…

– А-а! – скривился Ананьевский. – Это всё Чижик… Чижов, то есть, бывший командир ССО. У него там родня!

– Бывший? – сощурился я.

– Охладел Чижик к стройкам, – последовал вздох. – В аспирантуру подался, кандидатскую сочиняет.

– Ага… – задумался я на секундочку. – Тут предложение есть, инициатива снизу – передислоцировать студотряд на Коми АССР! Есть там посёлочек такой… зовётся Мандач.

Услыхав название славного населённого пункта, народ весело загоготал, а Яся густо покраснела.

– Ну, и чего ржёте? – забурчал я неодобрительно. – Местная топонимика такая! Короче, условия там не слишком комфортные, и работа тяжёлая, но рублей пятьсот-шестьсот заработать можно.

Котомин живо ушки навострил, а вот комсорг ожидаемо крякнул, морщась со смущением и досадою:

– Горячо поддерживаю и одобряю, но… Дюх, я даже не знаю, когда смогу этим заняться! Мне уже столько общественной работы накидали…

– Спокойствие, только спокойствие! – молвил я тоном Карлсона, «низводящего» фрекен Бок. – Командовать парадом буду я! И стройотрядом тоже. С тебя – весь официал: оформление, согласование, утверждение… Кстати, познакомься: Ясмина Акчурина, готовый комиссар стройотряда «Антарес»! Да, Ясь?

Девушка лихо козырнула, метнув ладошку к виску, и сверкнула улыбкой. Взбодрившийся Ананьевский заново пожал мне руку.

– Замётано! Но чтоб к апрелю все заявления были у меня на столе!

– Так точно, товарищ комсорг!

Бросив последний голодный взгляд на «комиссара», Сергей ускакал, а в следующую минуту по коридору загулял звонок, словно громкое, дребезжащее эхо школьной поры. Яся подтянулась, и жарко зашептала мне на ухо:

– Дю-юш… А, давай, не пойдём? Давай?

– Пропустить диффгеометрию?! – деланно ужаснулся я.

– Ага! – хихикнула девушка. – Софа мне ключики оставила… Ей родители сняли однушку на Голодае. Часика три у нас точно есть!

– Поехали быстрее! – подхватился я.

Студенты шумною толпою спешили на занятия, а мы с Ясей двинулись против течения и выскользнули на улицу, где дул холодный октябрьский ветер, зло обрывая жёлтые листья.

Но нам было тепло.

Пятница, 12 октября. День
Ленинград, улица Рубинштейна

Встречу Минцев назначил не на явочной квартире, и не на конспиративной, а у себя дома – «Светик» решила прогуляться в райком вместе с Михаилом Георгиевичем.

Из декрета Чернобурка ещё не вышла, но по работе уже соскучилась. Благо, дитя вело себя смирно – даже описавшись, не орало, не надрывалось в плаче, а лишь ворочалось и кряхтело недовольно.

Все эти пикантные подробности я узнал от подполковника, стоило мне переступить порог его двухкомнатной со всеми удобствами. Потолки на жилплощади Минцевых были высокими, лепнина богатой, а окна большими и зеркальными – правда, они упирались в стену недавно выстроенного жёлтого дома, зато похожего на чертог султана далёкой южной Джунгахоры.

Мутноватый охристый свет падал на резной буфет вишнёвого дерева, на тяжёлые книжные шкафы с точёными колонками, и, чудилось, что над квадратными метрами витает знойный отблеск пустынных барханов.

– Располагайся, Андрей! – громко сказал куратор, и романтический флёр лопнул, как радужный мыльный пузырь. – Чуешь, чем пахнет?

Я послушно вобрал носом тёплый воздух.

– Молоком?

– В точку! – хохотнул Минцев. – Главное – пахнет! А то ещё весной здесь воняло – кислятиной и... Впрочем, Света воспринимала запахи очень… хм… своеобразно, как все мамочки. Даже ту субстанцию, которой Михайло марал пелёнки, она нежно называла… Знаешь как? «Ка́кушки»!

Мы оба рассмеялись – с тем немного чванливым чувством мужского превосходства, которое женщинам кажется обидным. Хотя это всего лишь защитная реакция сильного пола, за которой «мачо вот с таким кулаком» прячут свою робость перед новой жизнью.

– Садись, Андрей, – велел Георгий Викторович с тающей улыбкой.

Я устроился на старом потёртом, но всё ещё упругом диване с резными полочками на спинке, а хозяин квартиры разлёгся в кресле напротив.

– Удивительно, но твоего нечаянного знакомца действительно зовут Ефимом Лейбовичем… – Минцев положил ногу на ногу и покачивал ею, удерживая тапок кончиками пальцев. – Ефим Лейбович Вайзель. Биография более чем обычная: учился в школе, отслужил, после дембеля работал парикмахером… Да и сейчас работает. Хм… Весьма удобное прикрытие для разведчика, кстати. С виду – обслуживаешь клиента, а сам выслушиваешь доклад или выдаёшь задание… Мне, что ли, переквалифицироваться? – хмыкнул он. – Шучу! Вайзель нас никогда не интересовал – этот Фима как раз из тех, кто «не замечен, не состоял, не имел родственников за границей»! Однако он был в курсе и того, кем тебя считают в ЦРУ, и того, на какую акцию замахнулись летом. Откуда Вайзелю известны даже её детали? Это первый, но не самый интересный вопрос. Ведь существует простейший ответ: Ефим свет Лейбович случайно подслушал разговор «моссадовцев»! Или же посланцы Земли Обетованной упросили его оказать некую услугу… Впрочем, меня куда больше интересует, почему Вайзель откровенничал с тобой! Для какой цели? Ну, не просто же так делятся сведениями с грифом «Совершенно секретно»!

– Самому любопытно, – заворчал я, чувствуя неуют. – Думал уже, чего для…

– Дупель-пусто? – кривовато усмехнулся Минцев.

Я молча развёл руками.

– М-да… – затянул куратор. – Ну, об ещё одном интересном, весьма интересном вопросе умолчу. Лучше по делу. А оно вот в чём… Мы тут немножко последили, понаблюдали за Ефимом Лейбовичем… Да! Перебью сам себя. Знаешь, что ещё забавно? Вайзель – прирождённый актёр! Он талантливо играет роль «старого больного еврея», хотя здоров, как космонавт, и ему едва за сорок! Но это к слову. В общем, понаблюдали мы – и очень удивились. За Вайзелем уже вели слежку! Грубо, непрофессионально, однако с выдумкой. Двое шли за Ефимом Лей-

бовичем по разным сторонам улицы, третий лидировал, а ещё один был на подхвате. За четверть часа троих по очереди сменила другая тройка. Итого семь человек, молодых и рьяных! Им всем по семнадцать-восемнадцать. Тот, что постарше, работает учеником на заводе, который помладше – в техучилище числится, двое – студенты из ЛЭТИ, а еще одна парочка… С Матмеха ЛГУ.

Я не похолодел, как обычно пишут в книгах про такие моменты. Просто мне стало очень неприятно. Гадко.

– Кто? – вытолкнул я.

– Не скажу, – серьёзно ответил Минцев. – Надо сначала разобраться в их мотивах и намерениях. Зачем сразу подозревать мальчишей, что они Плохиши? Может, они в Кибальчишей играют, выслеживают буржуинских наймитов! Просто будь осторожен, Андрей. А то вдруг игра окажется серьёзней, чем мне кажется. Так что… Бди!

– Понял, Георгий Викторович, – сдержанно сказал я. – Буду бдеть.

Среда, 17 октября. Утро
Ленинград, Литейный проспект

В кабинете у Блеера было душно после совещания, и генерал отворил форточку. Дерзкий ветерок с Невы тотчас же ворвался, колыхнув шторы, заметался между стен, вороша бумаги.

С легким недовольством посматривая на форточку, Владлен Николаевич отшагнул от сквозняка, вдыхая занесённые осенние запахи – сырости, прели и унынья. Классика.

Косясь на задумчивого Минцева, генерал ворчливо поинтересовался:

– Разобрался с этими… юными друзьями нелегалов?

– Да как сказать… – протянул подполковник. – Чем дальше в лес, тем больше дров. В воскресенье я встречался со Щербиной… Помните такого? – наметил он улыбку. – Спящий агент нашего общего друга Фредди Вудроффа.

– На память пока не жалуюсь! – фыркнул Блеер. – И что там поведал Богдан Алексеевич?

– Нервничал Богдан Алексеевич, – усмехнулся Минцев. – У человека жизнь сложилась – женился вон, а шпионское прошлое цепко держит! «Чего мне ждать? – спрашивает. – Надеяться на что?» Вроде, и вреда нанёс немного… Сознался, раскаялся… Помог, чем мог. А в воскресенье был ему сигнал, и Щербина явился ко мне с закладкой – пачкой из-под «Столичных». Внутри – туго скатанный рулончик четвертных, ровно тысяча рублей, и задание: войти в контакт с Ефимом Вайзелем, чтобы завербовать. Если будет против – вариант «Б»: при необходимости – ликвидировать, но сначала допросить. Какие у Вайзеля функции в «Моссаде»? Один он или под контролем? Кто руководитель? Ну, и далее по списку.

– Как интере-есно… – усмехнулся Блеер, возвращаясь на свое место. Присев, он облокотился на стол и сцепил пальцы в замок. – Если я верно проследил за ходом твоих мыслей, Жора, то ты, получается, связал этих… студентиков-инициативников и станцию ЦРУ?

– В точку, товарищ генерал! – как уж Минцеву удавалось развалиться на стуле, неясно, но он-таки развалился, опасно балансируя на двух ножках.

– Да сядь ты нормально! – не выдержал Владлен Николаевич. – Смотреть страшно. Грохнешься же!

С коротким стуком вернув стул на место, подполковник привалился грудью к столу.

– Смотрите, товарищ генерал. Мы крайне осложнили жизнь цэрэушникам в городе. За оперативниками Вудроффа постоянно приглядывают наши. Шаг влево, шаг вправо… Синти Фолк или Дэнни Лофтин проезжают иногда, высматривают сигналы в условных местах, но сделать ту же закладку для Щербины им удалось потому лишь, что мы позволили – сделали вид, что нас нет! Спрашивается: откуда они узнали о Вайзеле? Мы-то их напрягаем с самого июля! Вывод один – у ЦРУ объявились добровольные помощнички! Вот эти самые студентишки.

Следили ли они за Фимой по заданию Вудроффа или сдали его, чтобы заслужить одобрение американцев, пока не знаю. Но узнаю обязательно!

Блеер неожиданно резко покинул кресло. Приблизившись к окну, он замер в напряжении, словно готовясь сорваться – и бежать. Куда-то смылась, словно и не было её, лёгкая генеральская вальяжность, сменившись хищной резкостью движений. Изменился и голос – в нём вдруг опять, как встарь, прорезались нетерпеливые порыкивающие нотки, свойственные, скорее, крупным кошачьим:

– Действуй, Жора! Действуй! Спускай Щербину. Только подстраховать бы… И не вспугни этот нахальный «инициативный» молодняк! Можем закрутить-завертеть ха-арошую операцию!

Суббота, 20 октября. День
Москва, Старая площадь

Сегодня Андропов чувствовал сильнейшую неуверенность, упадающую до пошлой боязни. Ему, второму человеку во власти, было страшновато в собственном кабинете.

Вершилось небывалое: двое техников в чистеньких спецовках устанавливали «юпитеры» на стойках для пущего освещения, а оператор вертелся у треноги с телекамерой. Пучки проводов, извиваясь, уползали в приёмную, откуда наплывал громкий говор.

«Сам виноват», – подумал Ю Вэ со стыдной тоской.

Зорин задумал «оживить» программу «Ленинский университет миллионов», внести в неё свежую струю, и почему бы, вместо скучных рассуждений в студии, не дать слово секретарю ЦК по идеологии? Пусть сам, своими словами, расскажет о проблемах и решениях, об ошибках и свершениях!

«Надо же, в рифму вышло… – мелькнуло у Андропова. – А как выйдет у меня?..»

Он же ухватился за «здравую идею», не понимая толком, что придётся лично отвечать на вопросы и глядеть в камеру, а за её синеватым объективом – те самые миллионы советских людей, ожидающих перемен к лучшему, надеющихся, терпящих неустроенную жизнь в настоящем ради светлого будущего.

Зорин зашёл, подтягивая провод микрофона, и улыбнулся понимающе:

– Всё будет в порядке, Юрий Владимирович – и совсем недолго!

– Валентин Сергеевич, – буркнул хозяин кабинета, натужно шутя, – вы утешаете, как зубной врач. – Со вздохом из него вырвалось: – Вот честное слово, я уже жалею, что согласился!

– Надо, Юрий Владимирович, надо! – зажурчал журналист. – Я планирую целую серию до «ноябрьских» – и Андрея Андреевича помучаю обязательно, и Арвида Яновича… Что проку листать тома классиков! Они все – теоретики, а мы спросим у практиков!

– Ладно, – обречённо махнул рукой Ю Вэ. – Лучше скажите, как здоровье? Много тогда, в Штатах, рентген «нахватали»?

– Да вы знаете… – пожал плечами Зорин. – Нормально! Из наших почти никто не заболел. Только двое вертолётчиков лечатся сейчас, но из-за собственного разгильдяйства. Хватанули, говорят, радиации по глупости…

Андропов упёрся мясистым носом в сложенные лодочкой ладони и задумался, массируя переносицу указательными пальцами.

– А мне, знаете, американская передача понравилась…

– А-а! – затянул журналист. – «Русские пришли»?

– Да! Этот марш по Пенсильвания-авеню, приём в Белом доме… А! – поморщился Ю Вэ. – Всё равно свиньями оказались!

– А это ничего, – спокойно парировал Зорин, – зато нас видели простые американцы, видели, как спасателей, и это останется в памяти целого поколения. – Он глянул на часы и молвил извиняющимся тоном: – Всё, Юрий Владимирович, пора!

– Пытайте! – вздохнул Андропов, и устроился в кресле поудобнее.

– Мариночка!

Молоденькая гримёрша, порхая вокруг секретаря ЦК, нанесла последние штрихи, невесомыми мазками стирая с андроповского лица мелкие изъяны.

– Готово, Валентин Сергеевич!

– Тишина! Свет! Камера! – Зорин картинно присел на стул, как обычный посетитель, и заговорил в своей спокойной, доверительной манере: – Здравствуйте, товарищи! Сегодня мы начинаем цикл передач «Ленинского университета миллионов» в несколько ином формате – не дискуссии, а интервью. И начнём мы здесь, в здании ЦК КПСС, в кабинете секретаря ЦК по идеологии, товарища Андропова. – И ведущий, и любопытный зрачок камеры развернулись к хозяину кабинета. Тот вспотел. – Юрий Владимирович, вы долгое время работали вместе с товарищем Сусловым. Мы часто слышим о недостатках в идеологической работе, но что именно вас задевало сильнее всего раньше, и что вам видится теперь?

Странно, но Андропов не испытал «страха сцены», да и некогда ему было – он напряжённо формулировал слова так, чтобы они и до разума дошли, и в душу запали.

– Прежде всего, что такое идеология? – веско начал Ю Вэ. – Это способ организации общественного сознания. В нашей стране – социалистического общественного сознания. И тут, как я считаю, нами были допущены серьёзные промахи. Ну, чтобы не быть голословным… М-м… В политическом отношении принципиально важной в организации социалистического государства была идея Советов как органов, избираемых трудовыми коллективами. Когда в тридцать шестом году изменили систему избрания в Советы – тогда, напомню, выборы в производственных коллективах отменили – это было крупной ошибкой. И мы её исправим, уже начали исправлять. Меня также сильно коробили все эти словесные выверты с нашим строем. Лично я воспринимаю выражение «развитóй социализм» как антинаучное, противоречащее пониманию социализма, как коммунизма в первой фазе, то есть, неразвитого, неполного коммунизма. При социализме сохраняются противоречивые тенденции в обществе. Например, стремление поменьше дать социуму и побольше получить от него – отпечаток капитализма, отражающий противоречивость экономических интересов рабочих и крестьян. Борьба с этими негативными тенденциями – борьба классовая. А на XXII съезде КПСС неожиданно объявили, что классовая борьба, оказывается, прекратилась – и выбросили из партийной программы тезис о диктатуре пролетариата! Однако. Провозгласив: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» – сделали на деле всё, чтобы покончить с социализмом! Понимаете? Мы уже жили при коммунизме – точнее, в его самой первой, начальной фазе. А итог пустопорожних хрущёвских лозунгов получается такой: нынешнее поколение будет жить при капитализме! И как конечный итог – поражение социализма, отбрасывание на десятки лет назад в социальном смысле. Нас обезоружили, лишили цели и смысла борьбы!

– Жёстко… – вытолкнул Зорин, но профессионально подавил растерянность. – А… Тогда как нам вернуть потерянное?

– Возвращаться – плохая примета, – усмехнулся Андропов. – Надо идти вперёд! Сложность в том, что сейчас никого не убедишь самыми красивыми, самыми проникновенными словами. Да и некогда болтать. Нужно делом доказать преимущества социализма, и вот тогда социалистическое общественное сознание будет доминировать! А доказывать придётся в экономической борьбе со странами капитала, в настоящих экономических войнах, где победа достанется тому, кто предложит самый качественный и, в то же время, самый дешёвый товар. Самый модный, самый новый, самый востребованный – тут все определения хороши. Теперь – о противоречиях и ошибках в экономике социализма. Ещё курируя госкомитеты, я понял,

что качественное государственное планирование, по сути, уничтожили еще в начале семидесятых. Госплан превратился в самое настоящее «кладбище партийных кадров»! План пятилетки завершали составлять к концу первого года, второй и последующий годы шли уже не по плану. Можете себе представить такое? Появился даже показатель «процент допустимого невыполнения плана»! Могли премировать при невыполнении плана! По сути – полный развал… – Андропов помолчал, собираясь с мыслями, и заговорил сдержанней: – На Западе упорно считают, что централизованное планирование мешает внедрять достижения научно-технического прогресса, или инновации, как они там говорят. Это звонкое словечко загуляло, по-моему, лет пятнадцать тому назад, с принятия «Руководства Фраскати»… Но у нас же не только централизованное планирование, но и соревнование, для которого плановые задания всего лишь опора! На уровне страны в целом планируется лишь тысяча показателей, на уровне отрасли – пятнадцать-семнадцать тысяч. И как раз благодаря показателю «снижение себестоимости» быстро растёт производительность труда: а как снизить себестоимость, не внедряя новую технику и те самые инновации? Ведь даже в военные годы производительность труда удвоилась в сорок втором – сорок четвёртом годах, когда экстенсивные факторы были исчерпаны: все, способные воевать, были на фронте, людей больше взять негде, рабочий день – на пределе. Единственный фактор – научно-технический прогресс. И его внедряли! К сожалению, в эпоху Сталина считалось, что при социализме тоже действует закон стоимости. Но ведь это – основной закон товарного хозяйства и, следовательно, его высшей формы – капитализма. Когда с шестьдесят пятого года вместо стимулирующего научно-технический прогресс показателя снижения себестоимости ввели затратные рыночные показатели: прибыль, рентабельность, объем реализации, – кардинально и ошибочно изменили всю систему показателей! Предприятия ориентировали на прибыль – и они, естественно, старались повышать цены, снимать дешевые виды продукции… А надо было развивать не стоимостные показатели, а потребительско-стоимостные: для техники – показатель экономии труда у ее потребителей, за вычетом затрат на производство и ремонт; для повышения квалификации – разность получаемой экономии и затрат на повышение; для предметов потребления – показатель суммы снижения цен на продукцию, удовлетворяющую ту же потребность, и так далее. А насколько важно планирование экономии труда? Это же планирование сокращения рабочего дня, прироста свободного времени для всестороннего и полного развития! А вот планирование прибыли есть планирование замены дешевого ассортимента дорогим, уменьшения свободного времени – и деградации работника. Отвратительный парадокс, товарищи! При плановом переходе к планированию стоимости мы планово пошли к капитализму!

Зорин не выдержал. Завязался вежливый, но весьма живой спор, в котором Валентин Сергеевич явно сдавал позиции. Андропов не ругал, и даже не критиковал тот порядок, что сложился за десятилетия – он просто тыкал пальцем в изъяны, делал выводы и предлагал меры.

Кризис планирования? Госплан ударными темпами переходит на АСПР; выделены средства на создание региональных центров ОГАС.[7] Кризис управления? Ведущими специалистами разработана «Долговременная программа перестройки управления народным хозяйством». Всё можно осилить! Можно вывести все «родимые пятна социализма», вроде дефицита или «уравниловки»!

…Ни Андропов, ни Зорин даже не догадывались, какой шквал откликов обрушится на Останкино со всей страны после показа передачи, и какая будет пропахана межа, делящая народ на «реформистов» и «контрреформистов»…

---

[7] АСПР (автоматизированная система плановых расчётов) – советский проект автоматизации процессов народнохозяйственного планирования с использованием вычислительной техники и цифровизации государственного управления.ОГАС (общегосударственная автоматизированная система учёта и обработки информации) – самый амбициозный IT-проект СССР для автоматизированного управления всей экономикой страны, позволяющая принимать оптимальные стратегические решения на государственном уровне и минимизирующая влияние человеческого фактора.

– …А напоследок, – Андропов резко подался вперёд, – я всё же хотел бы процитировать Никиту Сергеевича, которого я тут не единожды склонял: «Наши цели ясны, задачи определены! За работу, товарищи!»

Глава 6.

Понедельник, 22 октября. Полдень
Москва, Старая площадь

В здании ЦК КПСС подъездов много, но Первый и Третий – самые заветные, и доступ в них позволен не каждому. Тот, кого охрана пропустит за порог подъезда номер один, может даже подняться на пятый этаж, куда вход простым смертным воспрещён, и постучаться в монументальные двери с медной шестёркой на филёнке. Там, за массивными створками, раскуривал трубку Сталин, утирал платком лысину Хрущёв, примерял ордена Брежнев, а нынче Громыко крутит в пальцах золотой «Паркер»…

Яковлев насупился, давя кривую усмешку. Что ж, надо сказать спасибо Андрею Андреевичу – сделал-таки доброе дело, отозвал его из Канады… Или тогда уж следует эту серость благодарить, «дорогого Леонида Ильича»? Ведь, если бы не меткая пуля, выпущенная польским боевиком, не стал бы семьдесят девятый годом великих перемен – и для страны, и для него самого.

В принципе, надо бы проставиться и перед Жорой Арбатовым – поговаривают, что он просил за друга у Андропова: надо, дескать, вызволить «Сашку» из почетной ссылки! Хотя…

Какой толк был бы, вернись он к прежней жизни, по сути, в никуда? Что, опять на вторые роли в отдел агитпропа? Занимать зыбкую должность с ненавистной приставкой «ИО»?

Не-ет… Вся заслуга в его триумфальном возвращении принадлежит товарищу Суслову! Это он, «человек в галошах», выдержал характер – согласился-таки, чтобы его «ушли на пенсию», но обставил свой уход рядом железных условий. И одно из них являлось простенькой рокировкой: «товарищ Яковлев» вылетает из скучной Оттавы ближайшим рейсом «Аэрофлота» – и совершает мягкую посадку в кресло самого Пономарёва, заведующего Международным отделом ЦК КПСС.

А это и есть тот самый подъезд номер три, с его тайными делами, нелегальными миссиями и засекреченными подвалами, где изготовят любой паспорт с любой визой – от оригинала не отличишь…

Яковлев усмехнулся, поправляя очки. Спасибо, конечно, Михаилу Андреевичу за то, что помнит прежних соратников. И ведь это же правда, что Брежнева в Центральном Комитете никто не боялся! Но вот Суслова боялись все.

«А меня держали за верного «сусловца»…» – мелькнуло у Александра Николаевича.

Возможно, именно поэтому его и прогнали на дипработу. Не тому, мол, предан был! Или не того предал?

Да нет, всё вышло куда проще – и сложней.

Расправились с ним за статью «Против антиисторизма», тиснутую в «Литературке», но публикация послужила всего лишь поводом. Никакой крамолы в газету не попало, а всё обвинение строилось на том одном, что статья, гвоздившая «почвенников» и славянофилов, печаталась, якобы, «без ведома». Дурь полнейшая, тем более что материал был одобрен и разрешён Демичевым… Вот он-то его и сдал!

Яковлев поморщился и встал, грузно пройдя к окну. Вся эта давняя суета – всего лишь возня вокруг да около. Глубинную причину его опалы не называл никто, а она заключалась в том, что «и. о. завотделом пропаганды и агитации ЦК КПСС тов. Яковлев А. Н.» упрямился, из принципа не желая организовывать культ Брежнева!

Развернул бы славословие, пел бы осанну Леониду Ильичу, и никто бы его не тронул. Не турнул бы. Давно бы уж утвердили как секретаря ЦК по агитпропу, и кандидатом в члены Политбюро избрали бы!

«Так ты ж упёртый… – дёрнул губами Александр Николаевич. – Хочешь ещё одну статью накатать? Давай… Рискни!»

Он решительно застегнул пиджак на все пуговицы и одёрнул, будто мундир. Да, фронтовое прошлое укрепило в нём ту самую решимость, и запугать его никому не удалось. Ну, и доля авантюризма, что там скрывать, волнует кровь! Но…

Но сколотить хоть какое-то подобие коалиции перед пленумом не помешает. Слишком многое поставлено на карту…

Тот же день, позже
Москва, Кремль

После ночного дождя воздух пах сыростью, да и мокрый асфальт не сох – солнце, совершенно по-зимнему, светило, но не грело. Ветер в вышине трепал облака, разметая пасмурную рванину, словно мстя за осадки, и Яковлев ловил себя на том, что хочет подставить лицо лучам – вышнее сияние не разгладит морщин, так хоть ослабит нескончаемый напряг.

Куранты на Спасской башне пробили час, и Александр Николаевич вздохнул. Он имел полное право пропустить совещание в Совете Министров, но именно в Кремле можно было перехватить новенького заведующего отделом строительства, упрямого, как и он сам.

Яковлев кривовато усмехнулся, чувствуя себя будто в фильме про шпионов – Ельцин широко ступал впереди, посматривая по сторонам, но не оглядываясь, и выходил к Ивановской площади.

Александр Николаевич прибавил шагу. Мысли, подстёгнутые быстрой ходьбой, зудели в голове вспугнутыми пчёлами.

Читая в газете о новых назначениях в верхах, маленький советский человек не представляет даже, к каким кадровым подвижкам привела та же смерть Брежнева, какие пешки вышли в ферзи, а сколько фигур убрано с доски вовсе.

Ещё зимой Первый секретарь Свердловского обкома рулил себе, ничем не беспокоясь, не в меру спрыскивая радость или заливая горесть, а уже в марте, по рекомендации Капитонова, персека перевели на работу в Москву. С апреля бывший хозяин Урала осваивается в отделе строительства ЦК… Да освоился уже.

Запыхавшись, Яковлев пристроился к Ельцину.

– Еле догнал вас! – воскликнул он с деланным оживлением. – Здравствуйте!

– Здра-авствуйте! – прогудел уралец, с живым интересом поглядывая на соседа. – Александр Николаевич?

– Он самый! – Яковлев добродушно улыбнулся. – Мы с вами, Борис Николаевич, почти тёзки! По отчеству!

Ельцин гулко хохотнул, приглядываясь к «почти тёзке». Они были очень похожи – не внешне, внутренне. Оба, если разобраться, относились совершенно безразлично и к государственному строю, и к господствующей идеологии. Нет, обвинять их в антикоммунизме не стоило бы, просто и Яковлев, и Ельцин принимали те правила для элит, что были писаны на советских скрижалях, и следовали им.

А иначе они бы не добились того, что ценили больше всего на свете, к чему стремились всей душой – власти.

– Борис Николаевич, – обычным голосом заговорил Яковлев, незаметно направляя спутника к Большому Кремлёвскому скверу, – смотрели, небось, «Ленинский университет миллионов»?

– Смотрел… – Ельцин зыркнул настороженно, исподлобья.

– И как вам?

Осторожность приросла хмуростью:

– Да как вам сказать…

– А, по-моему, тут и говорить не о чем! – Александр Николаевич резко взмахнул кулаком. – Материться впору! Андропов извратил идеалы коммунизма, идеалы революции! Всё его интервью – это, по сути, манифест реформиста, отказывающего нашей эпохе в уме, чести и совести. И я не преувеличиваю! Да где ж это видано, чтобы партию отделяли от народного хозяйства, как… как церковь от государства?!

– Ну-у, почему… – замычал Ельцин. – Парткомы на заводах, на фабриках остаются ведь…

– Да! – по губам Яковлева скользнула иезуитская улыбочка. – Но членов КПСС предложено закреплять уже не по месту работы, а по месту жительства! И тому же парторгу будет гораздо труднее надавить на рядового коммуниста, не особо поддерживающего линию партии. Ну, и где тогда окажется ценнейшее качество КПСС, достигнутое Владимиром Ильичом – партийное единство? В каком, извините, месте? Но даже не это главное… Вот, я вчера разговаривал с нашим секретарём по сельскому хозяйству, с Горбачёвым…

– А-а… Видел, видел! – закивал уралец. – Михаил… Семёныч, кажется?

– Сергеевич, – сухо поправил Яковлев. – Я ему и говорю: «Был до вас Кулаков, держал селян в кулаке… простите за нечаянный каламбур! А вам-то как теперь управлять агропромышленным комплексом? Ведь и колхозы, и совхозы уходят, так сказать, в автономное плаванье, будут жить и работать сами по себе! Даже министерства профильного, и того скоро не будет, один «Сельхозбанк» останется!» А Михал Сергеичу и сказать нечего, охает только, да причитает. Вы понимаете, что происходит? Реформисты отбирают у компартии её направляющую роль! Куда это годится? И этот процесс, кстати, коснётся и вас, Борис Николаевич, как секретаря ЦК по вопросам строительства! Ведущие специалисты Минстроя уже переводятся в «Стройбанк», а к весне министерство полностью «демонополизируют и разукрупнят». Останутся, разве что, нынешние главки в формате производственных объединений или строительных организаций – «Главстальконструкция», «Главсантехмонтаж», «Главсевзаппромстрой» и так далее. А мне, думаете, легче? Международный отдел! – фыркнул он насмешливо. – И чем мне настоятельно рекомендуют заниматься? Снижением международной напряжённости! Деконфликтацией! Да какая, к бесу, деконфликтация? Какая может быть разрядка, если СССР окружён враждебными капстранами или их сателлитами? Если мы даже в странах СЭВ держим группы войск?

Испустив тяжкий вздох, Яковлев смолк, выдерживая паузу. Если его визави станет спорить или озабоченно поцокает языком, выражая вежливое сочувствие, значит, он неверно определил этого человека. Ельцин – выраженный властолюбец и весьма амбициозный себялюбец, к тому же самодур, но чрезвычайно энергичный…

– Стало быть, вы, Александр Николаевич… э-э… как бы контрреформист? – остановившись посреди еловой аллеи, уралец смотрел прямо в глаза.

Яковлев, чувствуя облегчение, лишь обозначил улыбку.

– Без «как бы», Борис Николаевич! И я – не в меньшинстве. Партия, как и всё советское общество, расколота пополам. Одни хотят перемен, а другие… А другим есть, что терять! И это не только идеалы. – Он глянул пристально, не отводя зрачков. – Предстоит борьба, Борис Николаевич, долгая и упорная. Такую борьбу в своё время вёл Ленин – и победил меньшевиков. Сталин ввязался в жестокую драку с троцкистами – и тоже одержал победу. Даже Брежнев, и тот свалил Хрущёва! И вот опять проблема выбора… Чью сторону занять? Поддержать тех, кто готов отстоять идеалы Великого Октября? Или тех, кто готов пожертвовать ими ради братания с Западом и убогого мещанского благополучия? Борис Николаевич, – негромко, но с чувством

сказал «контрреформист», – я вам ничего не обещаю. Ну, разве что избрание секретарём ЦК и кандидатом в члены Политбюро! Но когда мы победим…

– Я с вами, Александр Николаевич! – твёрдо сказал Ельцин, просчитав шансы.

И Яковлев крепко пожал протянутую руку.

Пятница, 26 октября. День
Ленинград, улица Железноводская

Я покинул парадное, ведя Ясю за руку, и оглянулся. Софа Мазовер снимала квартиру в неказистом доме – пятиэтажке из серого силикатного кирпича – но нам было уютно в её чистенькой однушке, уютно и хорошо. Наверное, ещё и потому, что ключики подружке Софа дала из девичьей солидарности и по доброте душевной.

Забавно, но саму звезду Химфака я ещё не видел, разве что на фото – худенькая, тоненькая, кудрявая. С большими, широко расставленными глазами, в которых плескалась извечная еврейская печаль да невысказанный вопрос.

Яся прижалась тесней, и я обнял её за плечи – мягкую-мягкую, ласковую-ласковую.

– А ты заметил, – сказала девушка, кивая на лавочки у парадного, – что мы ещё ни разу не проходили «сквозь строй» местных бабусек? Вот, когда я одна заглядывала к Софе, эти блюстительницы порядка сидели в два ряда, и просвечивали меня, как рентгеном!

– Наверное, мы попадаем в пересменку, – улыбнулся я. – Одни бабки покинули пост, чтобы ужин готовить или, там, внуков из садика забирать, а другие ещё не вышли на дежурство.

Ясмина хихикнула и лукаво заглянула мне в лицо, демонстративно поправляя воротничок водолазки.

– Хорошо ещё, что её надела, а не блузку, – заворчала подружка, то и дело срываясь в ясную улыбку. – После тебя вся шея в засосах! А если бы бабуськи увидели?

– Я больше не буду!

– Я тебе дам – не буду! – грозно нахмурилась Яся, встав передо мною, руки в боки. – Будешь!

– Буду, – явил я неизреченную кротость.

– Знаешь… – девушка глянула мельком вокруг и обняла меня за шею. – Вот, прошёл сентябрь… Это был лучший сентябрь в моей жизни! И уже проходит самый хороший октябрь… – Приняв мой поцелуй, она заговорила быстро и сбивчиво: – Ты не думай, я не считаю дни! Просто они такие… такие наполненные! И я с радостью, с удовольствием проживаю каждую минутку, даже если остаюсь одна, а когда мы вместе… Сразу столько счастья!

Я старательно улыбался, чувствуя тоскливые жимы в душе… В моей душонке. Настроение плавно опадало, как красный капилляр градусника, из жарко натопленной комнаты выставленного на мороз.

Мне было хорошо с Ясей. А когда мы, смеясь, раскладывали диван-кровать Софы, то и вовсе прекрасно. Но вот минули чудесные минуты страсти, схлынул упоенье – и я ещё чётче ощущаю тот холодный угол треугольника, куда сам же себя и загнал.

Хоть и не каждый день, но я встречал Тому – иногда на улице, чаще на станции метро. Девушка спешила в школу, но когда она видела меня, то бросалась навстречу, сияя – «Сразу столько счастья!»

И как быть? Дожидаться, пока улыбка не погаснет? А у кого? У Томы или у Яси? Они обе любят меня! А кого люблю я?

«Хороший вопрос! Правильный!» – как любит повторять наш декан. Найти бы ещё ответ…

Мы сели в метро на «Приморской» и на следующей станции я вышел – меня ждал семинар по теории кобордизмов.[8] Ася попрощалась нежным поцелуем, а я побрёл к эскалатору.

«Афанасьева меня бросила… Ну, ладно, ладно – сбежала! И Кузя уехала… А Софи вышла замуж. Всё! Горизонты чисты, не замутнённые ничьим коварством! Мы остались вдвоём – я и Мелкая… Ну, уже не очень-то и мелкая… Главное, что нас с нею двое! Было. Пока в мой ясный, понятный биполярный мир не вторглась Ася…» – Эти мысли тяжело ворочались в голове, словно условия задачи, не имеющей решения. – «Вторглась… Хм. Вообще-то, сие «вторжение» длится с седьмого класса! Просто я изволил заметить Ясю по-настоящему лишь теперь. Парадокс! В отношении дальних я очень наблюдателен, а вот ближних не вижу в упор… А ведь Ясе всегда нравилось быть рядом, она с удовольствием оставалась со мной наедине, в отличие от Афанасьевой; кучей мелочей намекала, что я ей небезразличен – и всё без толку. Я как та обезьянка Мидзару – «ничего не вижу». Так бы и держал ладоши на глазах, пока девушка сама не призналась в любви! Чурбан бесчувственный… Дурака кусок… Нет, ну почему – кусок? – робко возмутилось уязвлённое эго, но я тут же заклеймил его: – А потому что не тянешь на полного дурачину!»

Я вышел на Средний проспект и побрёл к Матмеху, воздыхая, а холодный ветер с моря кружил, нашёптывая, что мне должно быть стыдно за то, что сразу столько счастья в одни руки!

Ёжась, я накинул капюшон и свернул на 10-ю линию.

Тот же день, позже
Ленинград, 10-я линия Васильевского острова

Семинар по алгебраической топологии вёл Востоков, молодой и симпатичный препод. Чувствовалось, что возраст и нерастраченные силы всё ещё довлеют над ним, мешая закоснеть в солидности. Сергей Владимирович демонстрировал это всякий раз, входя в аудиторию, ибо семинар начинался с прилёта старого потрёпанного чёрного портфеля, не державшего формы. Извиваясь и вращаясь, портфель плюхался на стол, а уже вслед за ним являл себя Востоков.

– Дюх! – громко шепнул Лёня Мальво, пасуя мне пухлую «Литературную газету». – Читал?

– А что там? – прошипел я, дотягиваясь до «Литературки».

– Вникай!

Востоков не обращал внимания на шорохи и шелесты. Стуча мелком по доске, он медленно, внятно объяснял, иногда срываясь в скороговорку:

– Два неориентированных замкнутых многообразия Vn и V`n «кобордантны» тогда и только тогда, когда у них совпадают числа Штифеля–Уитни и эйлерова характеристика…

Слушая вполуха, поглядывая на размашистые меловые загогулины, я разгладил ладонью порядком зачитанную газету. Статья занимала чуть более четверти полосы, а заголовок так и хлестал по глазам: «Против антикоммунизма».

Я похолодел, облизнув подсохшие губы. Взгляд мой трусливо заметался, отыскивая подпись… Нет, ошибки не было, как и совпадения. «А. Н. Яковлев, секретарь ЦК КПСС».

«Прораб перестройки» и куратор Горбачёва вернулся. На три года раньше, чем в известной мне реальности. И сделал свой ход, нанёс удар. Причём, в открытую, с залихватской наглостью. Шесть лет назад Яковлеву дали пинка, сослав в Канаду за неугодную статью с очень похожим названием, а он печатается снова, и в той же «Литературке»!

Успокоившись, я вчитался. К моему удивлению, Яковлев не переходил на личности – он клеймил новую Систему, которую реформисты выращивали внутри старой. Клеймил с позиции

[8] Обобщённая теория когомологий, определённая спектрами пространств Тома и связанная с различными структурами в стабильном касательном или нормальном расслоении к многообразию.

«настоящего коммуниста». Хотя чему тут удивляться? Нынче самая выгодная конъюнктура – это как раз стоять на страже «идеалов революции». А Яковлев умён, он способен думать глубоко, системно – и, кстати, Александр Николаевич долго, очень долго был правоверным «сусловцем», самым настоящим, чистопробным (при том, что Суслов и сам далеко не так прост, как окарикатуренное представление о нём).

Вовсе недаром многое из того, что Александр Николаевич написал после «победы демократии», я воспринимал критично; по моему пониманию, он задним числом пытался примазаться к победившим «ниспровергателям СССР»…

Но как же Яковлев пишет сейчас! Ярко, выпукло, по-ленински лубочно! Хоть сейчас выводи белым по красному кумачу – примитив, брошенный в массы и зовущий к действию. Всё на уровне «Хлеба и зрелищ!» или «Долой царя!»

Да и к чему усложнять? В толпе инстинкт выше всего, а из него выходит вера…

Я аккуратно сложил газету и сунул вместе с конспектом в сумку. Извините, товарищ Востоков, не до того…

Сергей Владимирович как раз растолковывал Коле Кузнецову конструкцию Понтрягина–Тома, широко водя руками. Препода обступили Миша Голов с «Бобом» Коточиговым – и я ушёл по-английски.

Стоило мне тихонько прикрыть дверь за собой, как на ум пришло известное на Матмехе сочинение Александра Яковлева – не того, другого! – преподававшего алгебру, и выразившего третий закон гомоморфизма в полустихе:

Гомоморфный образ группы
Изоморфен фактор-группе
По ядру гомоморфизма
(и во имя коммунизма!)

– Всё смешалось в доме Облонских… – пробормотал я.

Свернув налево, мимо канцелярии и партбюро, спустился на полэтажа к библиотеке общественных наук. К моей тихой радости, незапертая дверь подалась.

Библиотекарша так туго стянула волосы в клубок на затылке, что ее строгие, зоркие глаза казались косыми. Разлепив сжатые бледные губы, она глянула на меня поверх очков в тяжёлой роговой оправе и холодно отчеканила:

– Библиотека не работает, молодой человек.

– Мне только уточни-ить… – просительно заныл я. – А кого в этом году… ну, или в конце прошлого года перевели в Москву, на работу в ЦК КПСС?

Ледок в глазах напротив подтаял.

– Минуточку… – ворчливо обронила библиотекарша.

Безошибочно выдвинув длинный ящичек картотеки, она порылась в выписках и сухим, официальным голосом сказала:

– Записывайте!

– Пишу! – торопливо заверил я, выхватывая ручку и «Литературку».

– Горбачёв Михаил Сергеевич. Избран секретарём ЦК КПСС по сельскому хозяйству… Записали? Ельцин Борис Николаевич. Назначен заведующим отделом по вопросам строительства ЦК КПСС… Лигачёв Егор Кузьмич. Назначен исполняющим обязанности заведующего отделом оргпартработы ЦК КПСС. Записали?

– Записал! – выдохнул я, с содроганием слыша подобострастные нотки в собственном голосе.

– Яковлев Александр Николаевич… Назначен заведующим Международным отделом ЦК КПСС. Записали? Это всё.

– Спасибо вам огромное! – с чувством сказал я и откланялся.

Зарядил нудный дождь, который истинные ленинградцы надменно не замечали – ни одного зонта вокруг. Накинут капюшон, сунут руки в карманы, и топают дальше по своим делам.

Я спешил к метро, но не потому, что боялся промокнуть. Просто тягостное нетерпение подгоняло. Это в Кремле могли никуда не спешить, а меня, вот, слегка подташнивало от навалившихся страхов – нечёткие, зыбкие контуры будущего противостояния уже просматривались.

Сейчас на самом верху сложился своеобразный тандем – политику забрал себе Громыко, а экономикой рулит Андропов. Причём, эта парочка не враждует, а дружит, и уже сделала первые шаги в направлении «более правильной перестройки».

Ещё один, очень важный фактор – время. Внезапная смерть Брежнева позволила Андропову занять нужное место раньше и теперь он проруководит дольше. Ну, и его группа, соответственно, усилится значительней.

Правда, Ю Вэ болен – у него диабет и серьёзное поражение почек (интерстициальный нефрит и нефросклероз), однако обе хвори контролируются и удерживаются в рамках.

Судя по всему, памятная мне дестабилизация произошла случайно, как следствие вирусной инфекции (вероятно, разновидности так называемого «азиатского гриппа» – эха «гонконгского» 60-х годов), подхваченной им в ходе поездки в Афганистан. Возник абсцесс на спине, плохо купируемый антибиотиками, почки окончательно перестали справляться – и всё.

Теперь же, без этого рандомного фактора инфекции, Андропову дан реальный шанс прожить еще не менее пяти лет. Хотя и обрыв может наступить в любой момент от малейшего толчка, оказавшегося фатальным. Жизнь, как забег по тонкому льду…

Я спустился в метро. Шагнул с эскалатора, словно с разгона, а тут и поезд завыл глухо. Распахнулись створки, разъехались двери с трафаретом «Не прислоняться». Мне даже местечко нашлось с краю.

Я сел, чувствуя надлом, и устало прикрыл глаза.

«Жизнь, как забег по тонкому льду…» – всплыло в памяти.

Усмешка скривила мои губы. Ещё и не так бывает!

Бывает, да, бывает…

Как только прах Юрия Владимировича захоронят в кремлёвской стене – окончательно, бесповоротно и жёстко сложится противостояние между «проандроповцами» и блоком желающих перехватить власть конъюнктурщиков – людей, для которых власть самоценна.

«И прольётся кровь, – отрешённо подумал я, – большая и маленькая…»

Среда, 31 октября. День
Вашингтон, Пенсильвания-авеню

Вечно озабоченный Сайрус Вэнс вошёл в Овальный кабинет первым, суетясь, нервно оглядываясь и прижимая обеими руками к груди кожаную папку, пухлую от бумаг. Вице-президент Уолтер «Фриц» Мондейл, вальяжный красавчик – живое воплощение Кена, бойфренда куколки Барби, только не блондинчика, а зализанного брюнетика – шагнул следом, являя себя.

Госсекретарь Вэнс, бросая неодобрительные взгляды на коллегу, подумал, что довольная физиономия Мондейла и впрямь лоснится, как пластмассовая.

– И где же наш радушный хозяин? – бодро поинтересовался Уолтер.

Сайрус не ответил, приседая на краешек дивана. А Мондейл, простецки сунув руки в карманы брюк, подошел к двери в мелкую расстекловку, за которой отцветал розовый сад.

Тут же отворилась дверь в коридор, впуская ещё двоих – министра обороны и директора ЦРУ. И эта парочка тоже представляла совершенные противоположности – Гарольд Браун стал первым учёным, возглавившим Пентагон, а Стенсфилд Тёрнер, адмирал в отставке, поднялся выше всех в Лэнгли. Но оба ощущали себя чужаками.

Четверо приглашённых даже поздороваться друг с другом не успели – явился пятый, блистая улыбкой, как на выборных биллбордах.

– Хэлло, джентльмены! – сдержанно кивнул Картер, проходя за свой стол. – Давайте без церемоний, сразу к делу. Мистер Тёрнер? Сидя, сидя…

– Да, сэр, – адмирал открыл свою тощую папочку. – Русские сообщили о возможных неприятностях с нашим посольством в Тегеране чуть больше месяца назад. Признаться, тогда я отнёсся к их информации с раздражением и… Ну, чего там скрывать – и с недоверием тоже! Ведь наша июльская операция с корейским «Боингом» не могла не взбесить советских генералов…

– Зато мы прощупали их ПВО на восточном направлении, – тонко улыбнулся военный министр. – Да, русские перехватили «Боинг», но ценнейшая информация полностью осела в закрома АНБ. Бинго!

– Верно, мистер Браун, – кисло улыбнулся Тёрнер, и перевёл зоркий взгляд на президента. – Но в октябре, сэр, сигнал от русских начал подтверждаться. Аятоллы вывели на улицы миллионы демонстрантов, и все они, как один, требовали от нас выдать бежавшего шаха. Но более всего настораживает иное – иранские власти препятствуют отъезду наших дипломатов, охраны и обслуживающего персонала. Покинуть посольство и страну было разрешено лишь двенадцати женщинам, а также чернокожим.

– Ну, да! – насмешливо фыркнул Мондейл. – Мы же расисты!

Не слушая его, Картер спросил:

– Мистер Вэнс?

– Да, сэр! – вздрогнул тот. – На сегодняшний день в посольстве остаются пятьдесят три дипломата, не считая охраны и обслуги. Никаких проблем с электроэнергией, с водой, провизией и лекарствами нет, но обстановка очень напряжённая. Ещё зимой и весной все стёкла в окнах посольства были выбиты камнями, пришлось ставить пуленепробиваемые. Нерегулярные протесты иранских студентов стали постоянными, воинственно настроенная мусульманская молодёжь дежурит и ночью – они светят в окна фарами автомобилей и скандируют: «Марг бар Амрика!», то есть, «Смерть Америке!»

– Ну-ну, – усмехнулся президент. – Мистер Браун?

Тот кивнул, и поправил очки.

– К сожалению, сэр, я пока не вижу возможности спасти посольских, кроме как дипломатическим путём. Но вот усилить нашу способность защищать территорию США в границах посольства мы не только можем, но и должны! Если конкретно… – глава Пентагона хитро улыбнулся. – Наших граждан действительно не выпускают из посольства, но вот входящих туда никто не задерживает! Разными путями мы перебросили в Тегеран добровольцев из Корпуса морской пехоты, и на сегодняшний день посольство охраняет сводная рота в сто двадцать бойцов. Ну и, разумеется, к месту службы они прибывали не с пустыми руками! Кроме стрелкового оружия и боеприпасов, мы расконсервировали или нелегально ввезли противотанковые ракетные комплексы «Тоу», пару 75-мм безоткатных орудий, три крупнокалиберных пулемёта «Браунинг»…

Директор ЦРУ неожиданно расплылся в хищной улыбке и протянул руку «гражданскому». Гарольд Браун крепко пожал её, а Джимми Картер весело рассмеялся.

– Ну, что ж, джентльмены, мы готовы! Будем ждать, что же аятолла Хомейни предпримет против «Великого сатаны», как он выражается! И… – президент нацепил голливудскую улыбку. – Боже, благослови Америку!

Глава 7.

Пятница, 2 ноября. Ближе к вечеру
Ленинград, улица Рубинштейна

Переодеваться пришлось в тесной «буханке», выкрашенной в цвета газовой службы – жёлтый верх, красный низ. Пыхтя, Богдан Щербина стащил новенькое пальто, аккуратно сложил его на сиденье, и натянул поношенную куртку с читаемой надписью «ЛЕНГАЗ».

Коренастый водитель тоже сидел в спецовке, неподвижный и бесстрастный, как памятник, а подполковник Минцев и вовсе накинул стёганный ватник. Оперативный стиль.

Усмехнувшись, Богдан Алексеевич снял ушанку-формовку из нутрии. Потянулся, чтобы сунуть её на полку, но Минцев сам, как услужливый гардеробщик, принял меховое изделие, и подал лыжную шапочку.

– Чистая, – сказал он, дёргая уголком рта. – Проверено. Жена лично стирала.

– А вы-то зачем здесь, Георгий Викторович? – поинтересовался Щербина, сопя от неловкости. – Вам как бы и не по чину.

– А мне так интереснее, Богдан Алексеевич! – покрутил головой подполковник. – Из кабинета мало чего увидишь, да и не выделили мне пока что кабинета…

– Ну вот, здрасьте! – подпустил визави ехидцы. – «Большой дом», а места не нашлось?

– Судьба у меня такая! – дурашливо понурился Георгий Викторович. – Не теоретик я. Так… – он слегка напрягся. – Вот что… Я об этом уже говорил… знаю, что вы человек опытный, и всё же повторю: помните, что выполняете задание ЦРУ! Ведите себя соответственно, как агент «Сталкер», и… Поглядывайте по сторонам, Богдан Алексеевич! Вполне возможно, что за домом Вайзеля наблюдают. Правда, непрофессионалы, но тем не менее… Да и сам… хм… жилец весьма непрост.

– Буду иметь в виду, – скупо улыбнулся Щербина. – Всё, я пошёл.

– Ни пуха!

Агент «Сталкер» подхватил обшарпанный чемоданчик с инструментами и вылез из машины. Пошагал, не оглядываясь – человек на работе, некогда ему по сторонам смотреть…

– Вареники-лавреники! – пробурчал Богдан Алексеевич, хмыкая вслед мыслям.

Дорого бы он дал, лишь бы узнать, что о нём на самом деле думают чекисты. Кто он для них? По-прежнему «спящий агент» ЦРУ, хоть и перевербованный? Или отношение всё-таки поменялось, пусть и на исчезающе малую величину? Что ждёт его, а, главное, чего ждать Наташке? Тате…

Вот ведь как бывает… В школе ещё зубрили: «Любви все возрасты покорны, её порывы благотворны!» Но кто ж знал, что ему доведётся и вправду – с первого взгляда, на старости лет?

Щербина нахмурился, отгоняя мысли о возрасте. Рано ему в старики записываться! А Тата…

Она ему всю душу перевернула. Перепахала все нутряные залежи обид и неприятностей. Вот так закроешь глаза – и будто слышишь её голос… Всегда тихий, всегда ласковый. Тата и смеётся негромко. Даже если огорчишь её, голоса не повысит.

Да и разве можно огорчать такую женщину хоть словом единым?

«Всё, хватит! – оборвал Богдан и приятные, и покаянные мысли. – Работаем».

Сворачивая под тёмную, сырую арку, он моментом собрался, примечая каждую мелочь. Ага…

Вечерний сумрак во дворе-колодце сгустился в полутьму, а там, где старый клён скрёбся голыми ветками по брандмауэру, кто-то курил нервными затяжками – тлеющий огонёк папиросы то раскалялся, то угасал.

Ни один толковый спец из «наружки», находясь в пикете, не притронется к табаку. Это как на фронте. Затянешься в темноте – станешь мишенью. Снайпер прицелится чуть выше самокрутки…

«Марш вперёд, труба зовёт!» – напел про себя Щербина, энергично шагая к парадному.

Поднявшись на третий, он вжал кнопку – из-за двери, обитой пухлым дерматином, звонок доносился глухо. Шаги и вовсе не слышны, но легчайший блик глазка выдал: хозяин у порога.

Щербина изобразил раздражённое нетерпение, глянул на часы, и уже вскинул руку позвонить снова, как вдруг из-за створки пробился напряжённый, по-старчески дребезжащий баритон:

– Кто там?

– «Ленгаз»! – рявкнул Богдан Алексеевич. – Проверка по стояку.

– А чего так поздно?

– Как успел, так и зашёл! – отрезал Щербина. – Слушайте, давайте побыстрее! Мне надо еще две квартиры обойти.

Три замка подряд металлически щёлкнули, и дверь отворилась, бросая свет на сухощавого, жилистого мужчину средних лет в уютных тапочках и разношенной пижаме.

Богдан Алексеевич ломиться не стал, а вынул скучную ведомость.

– Вейзель? – прочёл он подчёркнутую строчку.

– Вайзель, с вашего позволения, – с достоинством поправил жилец. – Проходите. Не разувайтесь, у меня не убрано.

– Угу, – буркнул агент, топая по коридорчику. – Плита новая? Запаха нет?

– В прошлом годе поменял…

Как и на всякой холостяцкой кухоньке, чисто было лишь с виду – исшарканный линолеум кое-где лип к подошвам, тюлевые занавески посерели от пыли, а съестным не пахло вовсе. Лишь сыто урчал округлый «Саратов», да напротив, отжимая в угол убогий крашеный буфет, блестела меловой эмалью «Лысьва».

«Натюрморт», – мелькнуло у Богдана Алексеевича. Угольно-чёрная, словно обгорелая, чугунная сковородка на одной конфорке, пузатый зелёный чайник – на другой. Этюд в белых тонах.

К холодильнику приткнулся маленький столик, застеленный потёртой клеёнкой. Деревянная хлебница скорбно распахивала крышку, писанную под хохлому – и тут пахнуть нечему, одна чёрствая корка завалялась… Мумия черняшки в саркофаге.

– Похоже, вы тут не живёте, Ефим Лейбович, – медленно выговорил Щербина.

Вайзель не вздрогнул, но глаза его опасно блеснули.

– Что вы мне тут толкуете? – сварливо заговорил он. – Проверяйте плиту – и до свиданья!

Богдан Алексеевич уложил свой чемоданчик прямо на стол, и щелкнул замочками. Шприц со спецпрепаратом лежал в выемке, устланной мягкой тканью, и холодно сверкнул никелем.

– Экий вы грубиян, Ефим Лейбович, – криво усмехнулся Щербина. – Но к делу. Представляться не буду, нам с вами детей не крестить, хе-хе… Я сотрудник ЦРУ, и у меня задание – склонить к сотрудничеству агента «Моссада» Вайзеля!

Хозяин квартиры не испугался и не стал делать резких движений – он хихикнул, сдвинувшись к эмалированной раковине, облупленной по краю до черноты. Покрутил кран, пуская шипящую струю, и тщательно вымыл ложку, штампованную из тусклого металла. Обтирая её вафельным полотенцем, Вайзель назидательно вещал:

– У меня в пятой графе честно вписано: «еврей». Таки да, я принадлежу к народу, многими нелюбимому, но это ещё не значит, что всякий, чтящий Тору, обязательно подвизается на поприще тайных дел! Где я и где «Моссад»?

– Ефим Лейбович, честный еврей не мог быть в курсе секретной операции израильской спецслужбы! – сдержанно сказал Щербина. – И дело даже не в том, что хитроумные израильтяне опередили американцев, похитив того, за кем охотились парни из Лэнгли. Мы знаем, что вы лично встречались с Эфраимом Шамиром из «Мецады» – это Управление специальных операций «Моссада», если вы не в курсе… – Он хищно осклабился. – Только не говорите, что это было случайное совпадение, а то я в вас разочаруюсь!

Вайзель со скрипом выдвинул верхний ящик буфета, и небрежно сунул туда мытый столовый прибор, побрякав алюминием и нержавейкой.

– Ой-вэй! – потряс он головой, и заныл: – Я старый, больной еврей…

Богдан провёл двойной удар, резкий и точный. Подхватив обмякшее тело Ефима Лейбовича, он кое-как усадил его на стул, и закатал рукав пижамы. Стянул узлом резиновую трубку, охватывая далеко не дряхлый бицепс, достал шприц…

Вена вздулась синим червяком, и стальное жало накололо её, впрыскивая дозу СП-36.

– А то будет тут мне… – буркнул Щербина, захлопывая крышку чемоданчика.

Из нокаута Вайзель вышел не сразу. Минуту спустя слабо заворочался, тяжёлые веки дрогнули, поднимаясь с усилием – и Богдан Алексеевич перехватил мутноватый, но холодный и цепкий взгляд.

– Думаете, Израиль только с арабами воюет, с террористами, да с нацистами? – затруднённо выговорил Ефим Лейбович, с натугой пошевеливаясь. – Не-ет… Те, кто с оружием в руках защищает святыни Сиона, сражаются против всего мира! Кто нам друг? Китайцы, что неустанно плодятся, копошась в своём муравьином лжесоциализме? Ленивые и наглые негры, рождённые для песни и пляски? Европейцы, плачущие до сих пор, что Советы победили Гитлера, а не наоборот? Все – враги! А ЦРУ и КГБ я просто не переношу, они для меня синонимы гестапо! Или вы полагаете, что на «Моссад» я работаю корысти ради? Не-ет… Я, как тут говорят, «идейный»! У меня две квартиры, три дачи, и четыре сберкнижки на предъявителя. Хватит, чтобы жить спокойно и ни о чём не думать. Но для настоящего человека мало просто пищеварить и тешить своё либидо! Знаете, где на средневековых картах помещали центр мира? В Иерусалиме. Вот я и хочу, чтобы такая данность стала истинной для всех! Только не в одном лишь религиозном толковании, или в духовно-возвышенном, а во всех житейских смыслах!

– Да вы, батенька, сионист почище Герцля и Бен-Гуриона! – восхитился Богдан Алексеевич.

Вайзель презрительно фыркнул.

– Идея, даже коммунистическая, возвышает и придает сил, как богоискательство! Марксизм-ленинизм в СССР закоснел, окаменел в догмы, а революционные советские идеалы давно выродились в номенклатурное фарисейство. Только вот в Штатах и этого нет, американцы погрязли в торгашестве и мещанстве!

Щербина видел, как напряглись ноги израильского шпиона, как рука проворно скользнула в карман пижамных штанов, но всё ещё полагал, что держит ситуацию под контролем.

Бросок Вайзеля он заметил – шарахнулся, но упредить молниеносное движение не успел. Сверкнуло лезвие ножа, и острая сталь распорола живот.

Палящая, резучая боль заполнила всего Щербину. Шатаясь между всёпоглощающей тьмою и всёсжигающим светом, он упал на колени, пятернёй зажимая рану. Двигаться было мучительно, как и дышать.

Мыча, до крови кусая губы, Богдан выполз на коленях в коридор. Где-то далеко метался Вайзель, суматошно топоча и грохоча… Вот «идейный» выскочил в прихожку, на бегу влезая в рукава овчинной куртки, даже косой взгляд не бросив на «агента ЦРУ»… Хлопнула дверь, загудели ступени.

– М-марш вперёд… – выдавил Щербина, упорствуя. – Марш вперёд, труба зовёт… Труба… зовёт…

Тьма погасила свет.

Воскресенье, 4 ноября. День
Тегеран, Атабек-парк

Разведработа в Индии под дипломатическим прикрытием была суетной, но Шебаршин постепенно обвык. Экзотические картинки из книг о дальних странах быстро отшелушились, как старые обои на даче, и наружу вылезла дрянная изнанка. Раздражение стало тенью постоянной усталости, а причин не избыть хватало – духота и зной, и тотальная грязь, и вонь, и взятки! Даже рикша-информатор тянул руку за бакшишем, а иначе молчок. Восток – дело тонкое…

Своё неожиданное назначение – резидентом в Иране – Леонид Владимирович воспринял с бодрой облегчённостью – хоть не так жарко будет. Но лишь прилетев в Тегеран, он осознал, до чего ж новое место службы… неоднозначно.

Да, Иран – огромная, многолюдная страна, земля древней цивилизации, но именно здесь схлестнулись «постоянные интересы» Запада, стягиваясь удавкой, замысловатым узлом, распутать, развязать который не дадут, а выход только один – рубить мечом.

И понял резидент, что его служба не только трудна, но и опасна – здесь и убить могут. По традиции…

Его святейшество аятолла Хомейни клял и Америку, и СССР, только Штаты он объявил «Большим сатаной», а Советский Союз – «Малым сатаной». А велика ли разница для толпы фанатиков? Устроят резню – и ага, летальный исход. Следом за господином Грибоедовым впишут в анналы товарища Шебаршина. Ровно сто пятьдесят лет спустя…[9]

Резидент, поминая аятоллу недобрым, но ёмким русским словцом, натянул широкие, свободные штаны-карго и рубашку. Можно, в принципе, и футболку, но лучше с длинным рукавом. Иранский дресс-код.

Советское посольство – самое большое в Тегеране, настоящая колония в туземной среде, то дружественной, то враждебной. Тут и школа своя, и пекарня, и жилые пятиэтажки… Да всё своё! Вот только разведчику негоже прятаться, его место – в тылу возможного противника…

[9] А. С. Грибоедов был убит в Тегеране в 1829 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.